

Коренной перелом в ходе войны и внешняя политика СССР

В. О. Печатнов*

К лету 1943 года отношения между ведущими державами антигитлеровской коалиции складывались весьма непросто. Главным осложняющим фактором оставался вопрос о втором фронте, открыть который союзники ранее обещали в том же году. Однако на англо-американских переговорах под кодовым названием «Трайидент», проходивших в Вашингтоне с 12 по 25 мая, это обещание вновь было нарушено. На сей раз, в отличие от предыдущей англо-американской встречи в Касабланке, вопрос о приглашении СССР даже не обсуждался, что было неудивительно с учетом принятых на ней решений. К тому времени операции союзников в Тунисе, наконец, завершились и установление контроля над Северной Африкой стало весомым дополнительным аргументом в пользу продолжения «средиземноморской стратегии» англичан. В ходе Вашингтонских переговоров Черчилль и его военное командование смогли убедить Рузвельта в том, что развитие успеха в Средиземноморье будет означать эффективное использование уже имеющихся там сил для вывода из войны Италии и приведет к оттягиванию сил вермахта с Восточного фронта, вступлению в войну Турции на стороне союзников и увеличению их военного вклада в разгром стран «оси». Американцы, со своей стороны, сумели настоять на продолжении плана «Болеро» — концентрации сил на британских островах для последующего вторжения на европейский континент. Само вторжение вновь откладывалось, но впервые по настоянию США определялась его ориентировочная дата — 1 мая 1944 г.

4 июня в Москве было получено послание Рузвельта с информацией о решениях, принятых на «Трайденте». Дополнительная информация с детализацией позиции союзников была получена от посла И. М. Майского по результатам его беседы с Черчиллем 9 июня. «Черчилль, — сообщал посол, — выражал всяческие сожаления по поводу того, что англо-американцам пришлось отложить операции

«через канал» до будущего года, но заверял, что «ничего лучшего сейчас, к сожалению, нельзя придумать»... во всех рассуждениях Черчилля об операциях во Франции чувствовалось чрезвычайное желание как-нибудь, под каким-либо подходящим предлогом их избежать, ибо это трудные операции, неизбежно требующие больших жертв и усилий». «Изложенный разговор с Черчиллем, — резюмировал Майский, — окончательно определяет позицию Англии и США в этой войне, по крайней мере, на данном этапе. Говорю «окончательно», ибо во все время разговора чувствовалось, что высказываемые Черчиллем мысли, расчеты и наметки глубоко продуманы и прочувствованы, и что Черчилль будет их отстаивать с упорством английского бульдога»¹.

В те же дни подробное донесение из Вашингтона отправил в НКВД посол М. М. Литвинов. В нем ветеран советской дипломатии с тревогой писал об антисоветской подоплеке отсрочек с открытием второго фронта, о сохранении враждебности к СССР со стороны значительной части общественного мнения, о сопротивлении рузвельтовской политике и колебаниях самого президента в отношении советского союзника².

Сталин, видимо, тоже понимал окончательность решений «Трайдента». Поэтому в своем ответе от 11 июня он не стал оспаривать или переубеждать Рузвельта и Черчилля, а просто обвинил союзников в грубом нарушении данных обещаний и констатировал тяжкие последствия принятых ими решений для своей страны. «Это Ваше решение, — писал он, — создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет советскую армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом.

* Владимир Олегович Печатнов — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой ИПСЕА МГИМО(У) МИД России

Нужно ли говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе — в народе и в армии — произведет это новое откладывание второго фронта и оставление нашей армии, принесшей столько жертв, без ожидавшейся серьезной поддержки со стороны англо-американских армий.

Что касается Советского Правительства, то оно не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны»³.

Жесткость этого ответа не стала неожиданно для союзников, опасавшихся, что их сообщение явится для Сталина «разорвавшейся бомбой» (так окрестили вести о «Трайдене» для СССР в кругах Форин Офис)⁴. «Сдержанность его тона, — комментировал из Москвы британский посол А. Керр, — на мой взгляд, не должна вводить нас в заблуждение о том, что он не испытывает настоящей тревоги и возмущения, и что его вера в наши намерения не была серьезно подорвана. Он не преувеличивает того впечатления, которое это новое разочарование наверняка произведет на народ, которому предстоит еще одна голодная зима, и на Красную Армию, которая поймет, что ей придется и дальше нести на себе главное бремя сухопутной войны еще месяцев десять или около того»⁵.

Получив этот ответ главы советского правительства, Черчилль решил дать более развернутое оправдание позиции союзников и с согласия Рузвельта направил Сталину новое послание, полученное в Москве 19 июня. При его составлении премьер прислушался к совету Керра, который подчеркивал, что единственная надежда смягчить последствия решения о новой отсрочке второго фронта — это срочно провести встречу на высшем уровне с тем, чтобы Сталин не чувствовал, что важнейшие решения коалиционной войны принимаются без участия СССР. Иначе, заключал посол, эта новая отсрочка «окончательно утвердит Сталина и его народ в их глубоком убеждении (которое только-только начало ослабевать) в том, что мы и американцы не ведем с ними честную игру, а намеренно даем им истечь кровью до самой смерти»⁶. Соответственно в конце послания Черчилль, словно в ответ на недовольство Сталина исключением СССР из принятия важнейших стратегических решений, предложил провести встречу «большой тройки» в Скапа-Флоу — военной базе на севере Шотландии.

Однако оправдательный тон послания Черчиллю был, видно, в тягость. Свое подлинное настроение премьер откровенно изложил в телеграмме Керру от 16 июня. «Как Вы увидите из моей последующей телеграммы, я посылаю Сталину мягкий ответ. В то же время нам нет нужды извиняться. Наша стратегия и наступление в Средиземноморье, по всей вероятности, оттягивают германское наступление в России, и значит, оказывают им огромную услугу.

Вам следует проявлять твердость в отношении любых новых жалоб... В сложившейся обстановке ничто не заставит меня пойти на то, что по мнению моих советников и моему собственному убеждению будет ни чем иным, как бесполезным истреблением британских войск на берегах Канала только ради того, чтобы рассеять советские подозрения. Я порядком устал от этих постоянных выговоров, продиктованных лишь одним хладнокровным эгоизмом и полным презрением к нашим жизням и благополучию. В удобный момент Вы можете по-дружески намекнуть Сталину, что не безопасно обижать две западные державы, чья военная мощь растет с каждым месяцем и которые в будущем могут быть полезны России. Даже мое долготерпение имеет предел».

Однако расчет британского премьера оправдать решения «Трайденга» не сработал. Сталин основанно видел в Черчилле главного вдохновителя двойной игры союзников в вопросе о втором фронте и ответил ему гневным посланием от 24 июня, в котором с цитатами перечислялись все предыдущие обещания премьера на сей счет. В заключении послания говорилось: «...Это Ваше ответственное решение об отмене предыдущих Ваших решений насчет вторжения в Западную Европу принято Вами и Президентом без участия Советского правительства и без какой-либо попытки пригласить его представителей на совещание в Вашингтоне, хотя Вы не можете не знать, что в войне с Германией роль Советского Союза и его заинтересованность в вопросах второго фронта достаточно велики.

Нечего и говорить, что Советское Правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага. Вы пишете мне, что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»⁷.

Отповедь Сталина вызвала в Лондоне большой резонанс. «Звучит очень внушительно, особенно когда цитируются предыдущие послания премьер-министра!» — записал в своем дневнике первый заместитель Идена А. Кадоган⁸. Черчиллю особенно уязвило обвинение в сознательном обмане своего боевого союзника, оскорбительное для потомка герцога Мальборо. Майский, встретившийся с премьером 3 июля, в своей депеше в Москву дал живое описание этой реакции: «Хотя послание товарища Сталина является очень искусным полемическим документом, — сказал премьер по сообщению посла, — оно не вполне учитывает действительное положение

вещей. Когда Черчилль давал товарищу Сталину свои обещания, он вполне искренне верил в возможность их осуществления. Не было никакого сознательного втирания очков. «Но мы не боги, — продолжал Черчилль, — мы делаем ошибки. Война полна всяких неожиданностей... Приходится на ходу перестраиваться, менять планы». «В ходе разговора, — добавлял посол, — Черчилль несколько раз возвращался к той фразе послания товарища Сталина, в которой говорится о «доверии к союзникам» (в самом конце послания). Эта фраза явно не давала покоя Черчиллю и вызывала в нём большое смущение»⁹.

Хотя премьер-министр ответил Сталину весьма сдержанно, он был настолько уязвлен, что решил было прекратить переписку с советским вождем. Об этом Черчилль сообщил послу Керру, заключив, что «нет никакого смысла превращать ее в инструмент обвинений». Керр в ответ призвал премьера отказать от своего намерения и войти в положение Кремля: «Здесь, в Москве, наша слабость очевидна. Сталин дважды во всеуслышание заявлял о нашем намерении высадиться в этом году в Западной Европе и дважды нам приходилось его разочаровывать. Наша слабость — не в неспособности открыть второй фронт, а в том, что мы уверили его в намерении это сделать». Посол напомнил Черчиллю о необходимости сотрудничать со Сталиным «не только в разгроме Гитлера, но и в последующие годы, поскольку от этого зависят жизни миллионов людей, а во многом — и будущее всего мира. Поэтому, я считаю, что мы должны сохранять его доверие даже с ущербом для себя...»¹⁰. О своем намерении прекратить переписку премьер говорил и Майскому 3 июля. Тот объяснил тон послания Сталина огромными жертвами и «крайним недоумением нашего народа и нашей армии постоянным откладыванием второго фронта на западе». В отчете для Кремля посол опустил свои аргументы в пользу продолжения переписки, сохранившиеся в английской записи беседы. Переписка, говорил он согласно этой записи, «приносит еще больше пользы, когда обе стороны говорят напрямик», и премьеру не стоит обращать внимания на «резкую манеру» Сталина. Когда Черчилль спросил его, что означает фраза «советское правительство не может примириться» — какой-то «зловещий намек или просто выговор» в его адрес, Майский заверил его, что имелось в виду, конечно, второе. В итоге Черчилль, так и не дождавшись ответа от Сталина на свое послание, сам возобновил переписку в начале июля.

Другим ответом Сталина на решения «Трайден-та» и суровым предупреждением союзникам стал отзыв популярных на западе послов — ветеранов советской дипломатии Майского и Литвинова, которых сменили молодые дипломаты жесткой молотовской школы Ф. Т. Гусев и А. А. Громыко. Не случайно Майский получил указание о вызове его и Литвинова в Москву 25 июня, то есть — на следующий день после гневного сталинского ответа Черчиллю на его

послание от 19 июня, которое, видимо, переполнило чашу терпения Сталина. Официально послы вызывались в Москву для консультаций («включая и обсуждение в англо-американских кругах послевоенных проблем», как говорилось в телеграмме Молотова)¹¹, но опытные дипломаты догадывались о том, что происходит. Это сообщение, телеграфировал в Москву Майский 29 июня, произвело на Идена впечатление «близкое к впечатлению от разорвавшейся бомбы... Из слов Идена можно было понять, что мой вызов в Москву он связал с посланием т. Сталина от 24 июня, и все это вместе истолковал как явный симптом ухудшения отношений между СССР и Англией»¹². О том же телеграфировал в Москву и Громыко, описывая американскую реакцию на отзыв Литвинова¹³.

Под влиянием Вашингтонских решений союзников изменилась и позиция Сталина в вопросе о встрече с Рузвельтом, обсуждавшейся во время майского визита Дж. Дэвиса. Сначала он затянул с ответом на напоминания из Вашингтона, а в начале августа послал Рузвельту вежливый отказ от этой идеи, ссылаясь на обстановку на советско-германском фронте, где развернулась решающая фаза битвы на Курской дуге. Это выглядело весьма убедительно, но, думается, что Сталин, помимо прочего, хотел еще раз выразить союзникам свое недовольство. К тому же, сама встреча теряла смысл, поскольку главные стратегические решения уже были приняты без участия СССР. Советскому руководству стало ясно, что и в 1943 году в войне с Германией придется рассчитывать лишь на собственные силы. Не менее очевидным было и то, что только новый большой успех на полях сражений мог заставить англо-американцев всерьез считаться с интересами Советского Союза и подвинуть их к проведению согласованной коалиционной стратегии.

Таким успехом стала победа советских войск на Курской дуге, ознаменовавшая коренной перелом в ходе войны. Союзники были не слишком готовы к такому исходу. Подготовка немцами операции «Цитадель» не была для них секретом: в послании от 5 мая Рузвельт даже предупредил Сталина о готовящемся наступлении вермахта «против центра Вашей линии»¹⁴. Однако прогнозы американской разведки были крайне осторожными. Бывший военный атташе США в Москве Дж. Микела на брифинге для руководства армейской разведки в начале мая предсказывал: «В целом будущее восточного фронта не безнадежно и шансы Советов выстоять являются чуть более предпочтительными. Но решительное германское наступление против южной части центрального фронта станет большой угрозой и шансы на его успех будут обратно пропорциональны размаху операций союзников на Западе. Если союзники вторгнутся в Европу, Советы смогут начать наступление — но никак не иначе». Эта оценка полностью совпадала с позицией всей военной разведки¹⁵. Управление стратегических служб (УСС) в своей июньской оценке военного потенциала СССР было еще более сдержанным:

«Можно ожидать, что Советский Союз этим летом окажет, по крайней мере, не меньшее сопротивление, чем летом 1942 года, но его ценой будет растущая нехватка живой силы, промышленных материалов и опасное истощение запасов продовольствия»¹⁶. Черчилль в своем уже упомянутом послании Сталину от 19 июня настолько увлекся описанием успехов союзников в Северной Африке, что предположил, что они «расстроили германскую стратегию» и заставили Гитлера «отложить свои планы крупного наступления против России этим летом»¹⁷ — и это буквально за две недели до начала операции «Цитадель»!

В Кремле могли считать это сообщение за сознательную дезинформацию, поскольку советское командование было хорошо информировано о подлинных планах немцев. Благодаря тщательной подготовке Красная Армия сумела не только отразить наступление вермахта, но и перехватить инициативу, развернув Орловскую и Белгородско-Харьковскую наступательные операции. В сражениях на Курской дуге Красная Армия сломала «хребет нацистской Германии»¹⁸, и путем колоссального напряжения сил (только людские потери составили 863 тысяч человек, в том числе около 254,5 тысячи — безвозвратные) нанесла Германии удар, от которого она уже не смогла оправиться. По советским источникам, вермахт в ходе Курской битвы потерял 1,5 тыс. танков, свыше 3,7 тыс. самолетов и 3 тыс. орудий. Согласно немецким данным, потери сухопутных сил вермахта на всем советско-германском фронте в июле и августе 1943 г. составили 474,4 тыс. человек¹⁹. Как признавал после войны генерал Г. Гудериан, «в результате провала наступления „Цитадель“ мы потерпели решительное поражение... больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику»²⁰. «Три огромных сражения под Курском, Орлом и Харьковом, занявшие всего два месяца, — напишет впоследствии Черчилль в своих мемуарах, — означали конец германской армии на восточном фронте»²¹.

Военная разведка США и Великобритания в своих оценках ситуации, сложившейся в результате летнего советского контрнаступления, пришла к выводу о том, что вермахт отныне не сможет перебросить значительные силы на запад для противодействия будущей высадке союзников; напротив ему пришлось оголить западный фронт для сдерживания Красной Армии²². При этом некоторые военные аналитики так и не смогли разгадать «загадку советских военных успехов» в борьбе с самой мощной военной машиной в мире, как писал уже после взятия Орла глава отдела ВВС британской военной миссии в Москве вице-маршал авиации Дж. Бабингтон в своем отчете с одноименным названием²³. Хотя официальная реакция союзников на решающие события на советско-германском фронте была весьма сдержанной, «про себя» они хорошо понимали их истинное значение в сравнении со своими пока еще скромными усилия-

ми в Италии. «В то время, как в Сицилии силам Великобритании и Соединенных Штатов противостоят две германские дивизии, на русском фронте сосредоточено около двухсот немецких дивизий, — писал в начале августа высокопоставленный американский военный (во всей видимости, это был глава Комитета стратегического обзора КНШ генерал С. Эмбик), — Когда бы союзники не открыли на континенте второй фронт, он будет явно второстепенным по отношению к русскому фронту, который останется главным. Без России в войне страны «оси» не могут быть побеждены в Европе и положение Объединенных Наций останется крайне шатким»²⁴. Так победы на первом фронте прокладывали дорогу к успеху второго.

Политика СССР в отношении третьих стран

Это коренное изменение военно-стратегической обстановки приводило союзников к новой оценке ситуации и дальнейших перспектив войны. Становилось ясно, что разгром Германии отныне является лишь вопросом времени. Западные союзники начали понимать необходимость более тесного взаимодействия с СССР на основе учета его интересов, а советское руководство обрело новую уверенность в своих силах. Не случайно, именно в начале августа — как только успех на Курской дуге после взятия Орла стал очевидным — Сталин прервал свое более чем месячное молчание в переписке с союзниками и дал принципиальное согласие на встречу с Рузвельтом и Черчиллем, предложив ее несколько отложить. В то же время в западных столицах нарастали опасения долгосрочных последствий усиления роли Советского Союза, зародившиеся еще после Сталинградской битвы. Это подпитывало стремление союзников закрепиться в своей сфере влияния, не допустив там укрепления советских позиций.

Важным регионом такого соперничества стала Италия, которая после высадки союзников в Сицилии в начале июля 1943 г. стала выходить из войны на стороне Германии. 25 июля режим Муссолини пал и было образовано новое правительство во главе с маршалом П. Бадольо. Перед союзниками вставал вопрос об условиях капитуляции Италии и обращении с этой страной. Поскольку Италия была главным сателлитом нацистской Германии в Европе и первым крупным государством, выходящим из войны, вопрос этот имел принципиальное значение. Хотя Италия находилась в сфере действия англо-американских войск, участие СССР в решении этого вопроса представлялось необходимым не только в Москве, но и в западных столицах. Оно подразумевалось условиями советско-английского договора 1942 года и дипломаты союзников понимали опасность грубого отстранения Советского Союза от итальянских дел, призванная, по крайней мере, своевременно информировать Москву о своих действиях в Италии. Иначе, предупредил посол США в СССР У. Стэндли, у советского

руководства будут основания считать, что «к нему относятся не в духе сотрудничества»²⁵. Дело было еще и в том, что исключение СССР грозило создать опасный прецедент для самих западных союзников: «Когда наступит перелом и русские армии начнут продвигаться вперед, нам тоже захочется влиять на условия капитуляции и оккупации враждебной и союзной территории», — писал из Лондона посол США Дж. Вайнант²⁶. В то же время союзники стремились свести реальное советское участие в итальянских делах к минимуму, дабы сохранить свое преимущественное влияние в Италии.

Иден в контактах с временным поверенным в делах СССР в Лондоне А. А. Соболевым обещал, что «до сообщения условий (капитуляции. — Авт.) итальянцам они будут сообщены Советскому правительству и обсуждены с ним в полном согласовании с англо-советским договором о союзе»²⁷. У самого Соболева, однако, сложилось впечатление, что эти заверения даются скорее «для отвода глаз» и что на самом деле «имеет место сговор и согласование условий между Британским и Американским правительствами, а потом, когда эти условия будут окончательно сформулированы и согласованы, в самый последний момент они будут предложены Советскому правительству для рассмотрения»²⁸. 30 июля британское правительство в памятной записке информировало Москву о предварительных условиях капитуляции Италии. Хотя они были разработаны без советского участия, правительство СССР не стало против них возражать, поручив главнокомандующему на средиземноморском театре генералу Д. Эйзенхауэру подписать их от своего имени²⁹. 3 августа Керр передал Молотову так называемые «краткие» условия капитуляции, касавшиеся военных вопросов. Однако на этом консультации прекратились, хотя обстановка вокруг капитуляции Италии стремительно менялась. Англо-американцы стремились минимизировать свои потери за счет сделки с любыми итальянскими властями, способными обеспечить вывод Италии из войны. Безо всяких консультаций с Москвой они де факто признали правительство Бадольо, вступив с ним в переговоры о капитуляции. Это вызывало в Кремле понятное подозрение и недовольство. Только 18 августа Рузвельт и Черчилль направили Сталину послание с информацией о ходе переговоров с Бадольо и новых условиях капитуляции. К тому же при передаче послания в нем оказались пропуски, затруднявшие его понимание.

Реакция Кремля была весьма резкой. В ответном послании Рузвельту и Черчиллю Сталин выразил крайнее недовольство недостаточной информированностью советской стороны о действиях союзников в Италии, почти дословно используя фразеологию депеши Соболева. «До сих пор, — писал он, — дело обстояло так, что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдателя. Должен Вам сказать, что терпеть дальше

такое положение невозможно». Для исправления ситуации глава советского правительства предложил «создать военно-политическую комиссию из представителей трех стран — США, Великобритании и СССР — для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии» (прежде всего — с Италией), расположив ее на первое время в Сицилии³⁰.

Резкий тон сталинского послания, по словам Идена в беседе с Майским, «вызвал сильное раздражение у Черчилля и Рузвельта и ему, Идену, будто бы пришлось затратить немало усилий на то, чтобы рассосать такое их настроение. Я ответил, — продолжал в своей телеграмме Майский, — что если бы Черчилль или Рузвельт могли прикоснуться к «советской земле» нынешним летом и пощупать политический пульс нашего народа, то они пришли бы к выводу, что т. Сталин говорил еще слишком мягко в своих выражениях»³¹.

Тем не менее, союзники были вынуждены согласиться с законным требованием главы СССР. Хотя советское участие в такой комиссии может стать «помехой», телеграфировал Идену посол Керр, «допуск Советского правительства в создаваемые нами органы откроет дверь для нас и американцев, когда придёт время определять будущее Финляндии и Восточной Европы»³². Британский Кабинет также одобрил эту идею и поручил Черчиллю информировать об этом Сталина, что и было сделано в совместном послании англо-американских лидеров от 29 августа.

Согласившись на создание военно-политической комиссии по Италии, союзники не спешили с реализацией этой идеи. Они всячески затягивали решение данного вопроса, а также стремились заранее ограничить юрисдикцию и полномочия будущего органа, особенно — в военных делах. Об этом свидетельствовали послания Черчилля и Рузвельта Сталину от 4 сентября; последний, в частности, предлагал послать советского представителя в штаб Д. Эйзенхауэра. Это предложение было призвано создать впечатление советского участия в итальянских делах, ослабив необходимость в других его формах.

В ответ на проволочки союзников Сталин писал: «После получения Ваших предыдущих сообщений я ожидал, что вопрос о создании военно-политической комиссии трех стран будет решен положительно и безотлагательно. Однако решение столь срочного вопроса затянулось. Дело, конечно, не в тех или иных деталях, о которых нетрудно будет сговориться. Что касается посылки советского офицера к генералу Эйзенхауэру, то она никак не может заменить военно-политическую комиссию, которая должна была бы уже работать, а между тем ее все еще нет»³³.

8 сентября под давлением союзников правительство Бадольо объявило о капитуляции Италии. Это объявление было приурочено к высадке англо-американских войск в Салерно (операция «Аваланш») с тем, чтобы исключить сопротивление итальянских

войск и повернуть их против немцев. В ответ войска вермахта быстро заняли Рим, а правительство Бадольо бежало на юг страны под защиту союзников. Высадка пошла успешно, но вскоре ввиду упорного сопротивления свежих частей вермахта и ошибок англо-американского командования продвижение союзников захлебнулось.

Начало «Аваланша», заставившего немцев перебросить в Италию дополнительные крупные резервы, было хорошей новостью для СССР, хотя эта передислокация еще не затронула силы вермахта на советско-германском фронте. В своем поздравлении союзникам Сталин признал их вклад в облегчение положения Красной Армии. Военные успехи сопутствовали и советским вооруженным силам: 16 сентября был взят Новороссийск — один из последних опорных пунктов вермахта на Кавказе. Боевые победы улучшали общую атмосферу союзных отношений, создавая благоприятный фон для предстоящих встреч представителей трех великих держав и делая их все более необходимыми. К сентябрю, отмечалось в отчете посольства США, «военная ситуация стремительно развивалась и успех советского наступления приближал время для решения важных политических проблем. Все стороны понимали, что существующие политические отношения между СССР и его союзниками нельзя дальше пускать на самотек во избежание большой опасности. Напряженность была несколько ослаблена согласием президента Рузвельта и премьер-министра Черчилля на создание средиземноморской комиссии, предложенной Советским Союзом, который придавал ей большое значение»³⁴.

Действительно, настойчивость советской дипломатии в вопросе о создании военно-политической комиссии по Италии дала свои плоды. Посовещавшись, Черчилль и Рузвельт ускорили эту работу, определившись с составом и полномочиями нового органа, которые они постарались свести к чисто совещательным функциям. Черчилль назначил британским членом комиссии своего представителя при штабе Эйзенхауэра Г. Макмиллана, а Рузвельт — известного дипломата Р. Мэрфи. По инициативе Черчилля и с согласия Москвы и Вашингтона в состав комиссии был также приглашен представитель Французского комитета национального освобождения. Советским представителем в комиссии стал первый заместитель Молотова А. А. Вышинский, что лишний раз свидетельствовало о большом значении, которое придавалось ее работе в Москве.

Иначе подходили к этому вопросу в западных столицах. Рузвельт предложил создать в ближайшем будущем Союзную комиссию под началом генерала Д. Эйзенхауэра, которая наделялась широкими контрольными полномочиями и, по существу, вылащивала функции трехсторонней военно-политической комиссии по Италии. Советское руководство не согласилось с этой идеей и настаивало на передаче всех контрольных полномочий за исключением ру-

ководства военными операциями военно-политической комиссии³⁵. Такое решение предоставило бы Советскому Союзу реальное участие в важнейших итальянских делах на равных с США и Великобританией. Однако именно поэтому данный вариант явно не устраивал западных союзников. Советское предложение подчинить Союзную комиссию трехсторонней комиссии, говорил на заседании британского Кабинета Черчилль, «для нас явно исключено»³⁶. Хотя англо-американцы, по словам авторитетного американского историка У. Кимбэлла, «хотели бы избежать создания исключаящего прецедента, который Сталин мог бы затем использовать против них, опасность допуска русских в Италию представлялась слишком большой, особенно — с учетом сильного влияния итальянских коммунистов»³⁷. Информирование советской стороны об этой американской инициативе носило чисто формальный характер, поскольку еще до получения советского ответа Рузвельт уже направил соответствующую директиву Эйзенхауэру³⁸.

13 октября Италия, наконец, объявила войну Германии и в тот же день была опубликована согласованная с Москвой «Декларация о признании Италии совместно воюющей стороной». В ней одобрялось это решение правительства Бадольо и заявлялось о готовности сотрудничать с ним, но в то же время признавалось право итальянского народа на последующее изменение своего политического строя. При этом подписанные ранее условия капитуляции Италии полностью сохраняли свою силу.

Тем временем союзники продолжали курс на сведение к минимуму реальных полномочий трехсторонней комиссии по Италии (вскоре переименованной в Консультативный Совет по вопросам Италии). В изобретении для этого благовидных предлогов американская дипломатия усердствовала даже больше, чем британская. 14 октября НКВД получил меморандум посольства США, в котором предлагалось «пойти навстречу» просьбам Китая, Бразилии, Греции и Югославии о включении их в состав этой комиссии³⁹. Комментируя эту затею в своем кругу, Черчилль с иронией писал Идену: «Госдепартамент теперь атакует эту комиссию с другой стороны, предлагая включить в нее Китай и Бразилию. Это, конечно, смехотворно, но, вероятно, нацелено на то, чтобы убить её»⁴⁰. В последующем союзники продолжили свою линию на умаление роли СССР в итальянских делах, а Сталин в свою очередь умело использовал этот прецедент для обеспечения преимущественных советских позиций в союзных контрольных органах в Венгрии, Болгарии и Румынии.

Важным направлением советской внешней политики было укрепление отношений с французским Сопротивлением в лице организации «Сражающаяся Франция» и ее лидера генерала Шарля де Голля. Рузвельт и Черчилль относились к нему с большой неприязнью, считая своевольного генерала сумасбродным карьеристом, не имеющим прочной под-

держки в самой Франции и неприязненно настроенным в отношении англосаксов. Англо-американцы делали главную ставку на более послушную и предсказуемую фигуру — главнокомандующего французской армией генерала А. Жиро. В конце мая Черчилль даже предложил своему Кабинету обсудить, «не стоит ли нам устранить де Голля как политическую силу и поставить этот вопрос перед Парламентом и самой Францией»⁴¹.

Советское руководство относилось к организации де Голля гораздо более позитивно. Еще в марте 1942 г. в Москве появилась миссия связи «Свободной Франции» во главе с Р. Гарро. Летом того же года движение «Свободная Франция» было переименовано в «Сражающуюся Францию», а ее Национальный Комитет — во Французский Национальный Комитет, который обратился к союзникам с просьбой о признании. Москва заявила о своем согласии, но союзники заблокировали этот шаг. Идя навстречу предложениям де Голля об участии его организации в совместной борьбе со странами «оси», Советское руководство одобрило создание французского авиаотряда на советской территории, знаменитой впоследствии эскадрильи, а потом и авиаполка «Нормандия-Неман». Помимо военной помощи, СССР оказывал «Сражающейся Франции» и скрытую политическую поддержку через Коминтерн, настраивая французскую компартию на сотрудничество с де Голлем в целях объединения всех антифашистских сил страны.

Такая позиция объяснялась тем, что в Москве видели в де Голле и его организации более демократическую и независимую политическую силу, настроенную на решительную борьбу с гитлеровской Германией. Подобный настрой подогревался интригами США и Великобритании против де Голля, которые воспринимались в Москве с подозрениями. Донесения советской разведки говорили о том, что «в результате визита Идена (в Вашингтон в марте 1943 г. — *Авт.*) между Англией и США достигнута полная договоренность по французскому вопросу. Правительства обеих стран недовольны позицией де Голля из-за его усиливающегося стремления играть большую политическую роль в послевоенной Франции. Обе стороны доверяют больше Жиро, лишённому политических амбиций. Англия и США решили добиться соглашения между Жиро и де Голлем, имея в виду, однако, не дать последнему возможность играть доминирующую роль в этом соглашении»⁴².

Однако объединение французского Сопротивления вокруг организации де Голля набирало силу. В мае 1943 года в Алжире был создан Национальный Совет Сопротивления, объявивший де Голля «единственным руководителем французского Сопротивления». На этой основе 3 июня организация была преобразована во Французский комитет национального освобождения (ФКНО), объединивший силы французского сопротивления за границей и в самой Франции. Комитет, руководство которым де Голль на

первых порах разделял с Жиро, обратился к Объединенным Нациям с просьбой о своем официальном признании в качестве единственного законного представителя Франции.

Выбор Москвы был ясен. В ориентировке Богомолу от 16 июня Молотов подчеркивал: «Мы даем предпочтение де Голлю, так как он является неприемлемым к правительству Виши и гитлеровской Германии, тогда как у генерала Жиро отсутствует такая непримиримость. Мы предпочитаем поддерживать де Голля, так как он твердо отстаивает политику восстановления республиканской Франции с ее демократическими традициями, тогда как генерал Жиро проявляет враждебность в отношении республиканских демократических традиций Франции и боится иметь тесный контакт с народными массами Франции»⁴³. 19 июня Молотов в письме британскому послу Керру заявил о готовности советского правительства признать ФКНО. Задержка в его признании, подчеркивал нарком, «отнюдь не может служить облегчению дела сплочения антигитлеровских французских сил»⁴⁴. Однако британское правительство при поддержке Белого дома не только отказалось это сделать, но и попросило Москву последовать своему примеру⁴⁵. В послании от 23 июня Черчилль призвал Сталина повременить с признанием ФКНО, неуверенно мотивируя это сомнениями англо-американского командования относительно дальнейших намерений де Голля. Посол США Стэндли получил аналогичное указание Госдепартамента для передачи Молотову, в котором говорилось, что признание ФКНО «было бы крайне нежелательным и даже вредным с точки зрения наших общих военных усилий против стран осей»⁴⁶. О том, как расценили эти обращения в Кремле, ясно говорит ориентировка Молотова для Богомолу от 25 июня: «Как Вы видите, англичане и американцы продолжают откладывать признание Комитета, добиваясь, возможно, полного подчинения де Голля Жиро, то есть по существу — подчинения своей линии в вопросе об отношении к Французскому комитету и французским делам вообще или же — устранения де Голля»⁴⁷.

Однако из уважения к союзникам Сталин согласился на время отложить официальное признание ФКНО, оставаясь, тем не менее, на своей принципиальной позиции в оценке его деятельности. «Советское Правительство, — отвечал он Черчиллю, — не располагает в настоящее время информацией, которая могла бы подтвердить нынешнюю позицию Британского Правительства относительно Французского Комитета Национального Освобождения и, в частности, относительно генерала де Голля. Поскольку, однако, Британское Правительство просит отложить признание Французского Комитета и дало через своего Посла заверение, что без консультации с Советским Правительством не будет предпринято никаких шагов в этом деле, Советское Правительство готово пойти навстречу Британскому Правительству»⁴⁸.

Одновременно для выяснения обстановки, сложившейся в Алжире вокруг де Голля и Жиро, советское руководство решило направить туда посла Богомолова. Но Лондон и Вашингтон воспротивились этой миссии, опасаясь советского вмешательства в их отношения с ФКНО и укрепления позиций де Голля в результате этого визита. Форин Офис информировал Майского о том, что «поездка Богомолова в Алжир нежелательна в настоящее время» ввиду сложности военной обстановки⁴⁹. Аналогичные разъяснения получил в Вашингтоне и А. А. Громыко от госсекретаря К. Хэлла, который заявил, что «поскольку визит Богомолова в Алжир связан с политической ситуацией, он почти наверняка осложнит бы и без того деликатную политическую обстановку в ущерб предстоящим военным операциям»⁵⁰. Надуманность подобных доводов лишь усиливала подозрения в Москве относительно подлинных намерений союзников в этом важном вопросе. Согласившись отложить миссию Богомолова, советское руководство, тем не менее, установило прямой контакт с де Голлем в Алжире, направив туда советского разведчика И. И. Агаянца как представителя международной Комиссии по репатриации, имевшей свое отделение в Алжире⁵¹.

Окончательно вопрос об официальном признании ФКНО был решен лишь в конце лета 1943 года, когда 26 августа под давлением СССР и после взаимного согласования союзники объявили об этом публично. Но США сделали это с существенными оговорками, признав ФКНО «как орган, управляющий теми французскими территориями, которые признают его власть». Сходным образом сформулировала свою позицию и Великобритания. Москва же заявила о своем безоговорочном признании ФКНО «как представителя государственных интересов Французской республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании»⁵². Как писал впоследствии в своих мемуарах сам де Голль, «Вашингтон счел нужным ограничиться самым сдержанным заявлением... Лондон прибег к тем же выражениям... Москва проявила настоящую широту»⁵³. В октябре полномочным представителем СССР при ФКНО был назначен А. Е. Богомолов. Тогда же страны обменялись официальными военными миссиями, образованными в Москве и Алжире.

Хотя это еще не означало установления межгосударственных отношений, поддержка Советского Союза сыграла важную роль в дальнейшем укреплении позиций ФКНО как вне Франции, так и внутри нее. Вместе с тем, советская дипломатия умело сочетала поддержку де Голля и его организации с необходимостью согласования этой своей линии с западными союзниками: она подталкивала их к более активной поддержке ФКНО и в то же время не шла на поводу у амбициозного де Голля, торопившего Москву с официальным признанием своего комитета. Генерал и его окружение, сообщал позднее из Алжира Богомолов, «хотят признания Национального Комитета времен-

ным французским правительством до освобождения Франции и нащупывают наше отношение к этому вопросу. Союзники до открытия ими сколько-нибудь серьезных военных действий в Европе хотят спихнуть де Голля и заменить его более слабым политическим деятелем...»⁵⁴. Советская формула признания Комитета, уточнил Молотов на встрече с Гарро в начале ноября, «означает, что мы еще не считаем Комитет французским правительством, но видим в нем зародыш французского правительства»⁵⁵.

Перелом в ходе войны, наметившийся уже после Сталинградской битвы, ставил перед советским руководством новые задачи по закладыванию основ послевоенного порядка в Европе. Эти проблемы стали активно обсуждаться и в англо-американских переговорах, прежде всего — во время визита в США Идена (19 марта — 4 апреля 1943 г.). Союзники скупно информировали Москву об их содержании, заверяя в отсутствии планов каких-либо закулисных сделок за спиной СССР. В Москве относились к этим заверениям с понятной настороженностью, тем более, что одной из идей, активно обсуждавшейся тогда в западных политических кругах, было создание конфедеративных объединений в Восточной Европе. Однако союзники понимали, что без согласия СССР подобные планы неподалеку от советских границ имеют мало шансов на реализацию. Иден, сообщал в Москву Майский после беседы с британским министром о его поездке в США, «ясно отдает себе отчет, что без согласия СССР ни польско-чешская, ни балканская и другие федерации невозможны»⁵⁶. В Кремле же такие проекты рассматривались как попытка возрождения пресловутого «санитарного кордона» на западных границах Советского Союза. Эти подозрения были не напрасными. В Форин Офис и Госдепартаменте такие конфедерации обсуждались под углом «сдерживания советского влияния», о чем, в частности, свидетельствуют документы американской «комиссии Ноттера»⁵⁷. «... Идея конфедерации рассматривается советскими кругами не только как безжизненная, но и как вредная и опасная для нашего общего дела борьбы с немецким засильем в Европе, — говорилось в указаниях Молотова Майскому от 11 марта 1943 г., — С другой стороны, советские круги учитывают заинтересованность славянских народов в укреплении своих взаимоотношений и советским кругам было бы понятно, если бы это нашло свое выражение в заключении между этими народами пакта о взаимопомощи как на время войны с Германией и ее союзниками, так и на послевоенный период»⁵⁸.

Советское правительство, как видно, продолжало в духе традиции 1930-х гг. рассматривать двусторонние и коллективные договоры о взаимопомощи как основу обеспечения совместной борьбы с фашизмом и послевоенной безопасности. Однако на сей раз к геополитическим соображениям добавлялись и национально-исторические, основанные на идее славянской солидарности, которая заметно

укрепилась в годы войны. Славянские народы Европы стали основными жертвами германской агрессии и породили наиболее массовое движение Сопротивления. Стремление к объединению их усилий в борьбе против фашистской тирании и угрозы ее рецидивов после войны было вполне естественным и Советский Союз, как самая могущественная славянская держава, мог стать признанным лидером в этом процессе. Нагляднее всего это тяготение к СССР проявилось в политике эмигрантского правительства Чехословакии во главе с Э. Бенешем. Оно усвоило горький урок Мюнхена и в отличие от польского правительства в Лондоне не страдало русофобией. 19 марта 1943 г. в ходе встречи с Богомоловым чехословацкий премьер выступил с инициативой заключения пакта о взаимопомощи с СССР по типу советско-английского договора 1942 года на время войны и послевоенный период. Кроме того, Бенеш предложил заключить и трехсторонний договор с участием Польши. Москва положительно откликнулась на первое предложение, сочтя второе несколько преждевременным с учетом антисоветской позиции эмигрантского правительства Польши.

Начался процесс согласования содержания двустороннего договора по дипломатическим каналам, который вскоре натолкнулся на сопротивление британской дипломатии. Стремясь сохранить свои особые позиции в Европе и вынашивая идею сколачивания под британской эгидой послевоенного «западного блока», Лондон был отнюдь не заинтересован в создании системы коллективной безопасности на континенте с опорой на СССР. Позиция Вашингтона была более позитивной: американцев устраивало, что договор не предусматривал советского вмешательства во внутренние дела Чехословакии, ограничивая ее зависимость от Советского Союза сферой безопасности. Поэтому во время своего майского визита 1943 года в США Бенеш не встретил со стороны Рузвельта возражений против заключения договора с СССР. Но Лондон не оставлял попыток заблокировать такое соглашение. В конце июня Бенеш информировал Богомолова о том, что Иден возражает против заключения советско-чехословацкого договора, мотивируя это наличием некоего «молчаливого джентльменского соглашения» между СССР и Великобританией о том, что они не будут заключать никаких соглашений с малыми странами по послевоенным вопросам без взаимного согласования⁵⁹. (Иден назвал этот принцип «самоограничением» великих держав). Подобная мотивировка была явной натяжкой, поскольку, хотя этот вопрос и обсуждался во время визита Молотова в Лондон летом 1942 года, никакого соглашения на сей счет достигнуто не было. «Иден передергивает», резко отреагировал Молотов в телеграмме Богомолову, добавив, что «если Бенеш сомневается, то лучше Бенешу самому отложить свою поездку в Москву до более благоприятного момента»⁶⁰. Советская сторона стремилась сохранить свободу рук в заключении по-

добных договоров с соседними малыми странами, не ставя это в зависимость от согласований с Лондоном и Вашингтоном. Истинная причина вмешательства англичан, как писал в НКИД заместитель Богомолова П. Д. Орлов, «определяется их большой боязнью того, что вслед за Чехословакией, по ее пути, могут последовать и другие страны, что, конечно не в английских интересах»⁶¹. Обструкционистская позиция Идена получила поддержку британского Кабинета и самого Черчилля.

Правительство Бенеша оказалось в сложном положении. Не желая отказываться от своей инициативы, оно в то же время опасалось испортить отношения с британским союзником, оказывавшим покровительство и финансовую поддержку эмигрантскому правительству Чехословакии. Поэтому Бенеш стал откладывать свой визит в СССР, намеченный на первую половину июля, выжидая, чтобы Москва и Лондон сами урегулировали свои разногласия по данному вопросу. «Наша политика — сближать русских и англичан и русских, а не разделять их, — телеграфировал он своему послу в Москве Фирлингеру 28 июня, — ...кроме того, последствия всего спора англичане возложили бы на нас, а мы не настолько сильны, чтобы позволить себе это, и, наконец, мы еще существенно зависим от Англии в вопросах наших границ, продовольствия, сырья и финансах...»⁶². «Бенеш сперва хотел свалить на нас ответственность за откладывание своего визита в СССР, но затем изменил свое мнение и свалил всю ответственность за это на англопра, — сообщал в НКИД Богомолов после очередной беседы с премьером, ...Его сомнения — это просто страх перед англичанами, которые могут ему сильно напакостить и у которых он сидит в кармане»⁶³. В Москве проявили гибкость и согласились повременить с визитом, рассчитывая тем временем смягчить позицию Лондона. Однако нотная переписка между НКИД и Форин Офис по данному вопросу не дала ощутимого результата⁶⁴. Иден продолжал упорствовать, препятствуя, в том числе, опубликованию уже подготовленного проекта договора в печати. Глава британской дипломатии, по словам Бенеша в беседе с советским представителем, имел установку — «против договора не возражать, но немедленному подписанию всячески препятствовать, так как за Чехословакией могут последовать другие»⁶⁵.

Как и в случае с ФКНО, советская дипломатия придерживалась последовательной самостоятельной линии: активно добивалась согласия англичан на заключение союзного договора с Чехословакией и в то же время воздействовала на колеблющегося Бенеша с «целью затруднить ему отступление от прежде занятой им позиции», как говорилось в указаниях Молотова Богомолову⁶⁶. Окончательно сломить сопротивление англичан удалось только в октябре на Московской конференции министров иностранных дел союзных держав. После ее завершения состоялся так долго откладывавшийся визит Бенеша в Москву, во

время которого 12 декабря и был подписан советско-чехословацкий «Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве» сроком на 20 лет. Он был составлен по типу советско-английского договора 1942 г. и предусматривал оказание помощи (в том числе — военной) в случае угрозы агрессии со стороны Германии или другого государства. Подписание договора стало крупной победой советской дипломатии, закрепившей советско-чехословацкое сближение на годы вперед. «Чехословацкая модель» наряду с советско-английским договором 1942 года могла стать прообразом новых отношений между СССР и европейскими странами на послевоенный период.

Начавшийся со Сталинграда коренной поворот в ход войны дал мощный импульс движению Сопротивления, прежде всего — в оккупированных Германией и Италией странах Европы. В Югославии, Албании, Болгарии началось формирование национально-освободительных армий на базе партизанских отрядов. Наибольший размах вооруженное сопротивление приняло в Югославии, Национально-освободительная армия которой уже к концу 1942 г. насчитывала почти четверть миллиона человек. Ее главной организующей силой стала компартия Югославии, а признанным лидером — главнокомандующий НОАЮ маршал И. Броз Тито. СССР оказывал югославскому сопротивлению большую военную помощь: с начала 1944 г. и до конца войны НОАЮ получила вооружение для 12 пехотных и 2 авиационных дивизий, включая 491 самолет, 895 артиллерийских орудий, 65 танков Т-34⁶⁷. В феврале–апреле 1944 г. Советский Союз и Югославия обменялись военными миссиями⁶⁸. Вместе с тем, Москва сдерживала Тито в его борьбе за власть с югославским королем Петром и эмигрантским правительством, не желая обострять отношения с союзниками и ослаблять общий фронт антифашистских сил в стране. В связи с созданием НОАЮ Г. Димитров рекомендовал Тито учитывать, что «Советский Союз находится в договорных отношениях с югославским королем и правительством и что открытое выступление против последних создаст добавочные трудности в деле общих военных усилий и во взаимоотношениях между Советским Союзом, с одной стороны, и Англией и Америкой, с другой стороны»⁶⁹.

В Албании вооруженное сопротивление было направлено против итальянских оккупационных войск. В декабре 1942 г. советское правительство выступило с декларацией «О Независимости Албании», в которой выражалась уверенность в том, что «борьба албанского народа за свою независимость сольется с освободительной борьбой других угнетаемых итало-германскими оккупантами балканских народов, которые в союзе со всеми ... странами изгоняют захватчиков со своей земли. Вопрос о будущем государственном строе в Албании и является ее внутренним делом и должен быть решен самим албанским народом»⁷⁰. Изложенные в этом документе демократические принципы впоследствии стали

основой всей советской программы в отношении поработанных фашистами стран.

Очередное англо-американское совещание по вопросам стратегии ведения войны, намеченное на август в канадском Квебеке (кодовое название «Квадрант»), союзники решили провести без участия и даже без формального приглашения на него СССР. Посол Керр, правда, рекомендовал заблаговременно информировать Сталина о предстоящем совещании и пригласить его или Молотова в Квебек, а в случае отказа советской стороны — предложить визит Идена в Москву после «Квадранта» для информирования советской стороны о его решениях. Керр объяснял затянувшееся молчание Сталина в переписке с Черчиллем и Рузвельтом недовольством отстранением Кремля от принятия ключевых военно-политических решений⁷¹. Сам Иден предложил премьер-министру несколько иной вариант — информировать Москву о предстоящей встрече и «дать Сталину или Молотову шанс принять в ней участие» с уверенным расчетом на их самоотвод⁷². Однако Черчилль выступил категорически против и этого символического жеста. 1 августа он телеграфировал Идену: «Не может быть и речи о приглашении русских на эту встречу, которая служит продолжением наших обсуждений в начале года, была заложена в тогдашних решениях и к тому же имеет дело в основном с проблемами войны против Японии, в которой Россия не является воюющей стороной». Премьер мотивировал это нежеланием ставить под угрозу конфиденциальность англо-американских консультаций⁷³. В итоге 7 августа на имя Сталина было направлено послание британского правительства, в котором сообщалось о предстоящей англо-американской встрече, содержалось обещание информировать советское правительство обо всех её решениях, касающихся европейского театра, и повторялось предложение Черчилля о встрече трех лидеров в Скапа Флоу (Шотландия) или «в любом месте, которое удобно Маршалу и Президенту»⁷⁴.

Это послание и послужило поводом для сталинского ответа премьеру от 9 августа. Рузвельту он ответил днём раньше, вежливо забрав назад свое предложение о летней встрече с президентом за пределами СССР, переданное через Дэвиса. Сталин объяснял свой отказ занятостью делами фронта, что в условиях развернувшегося советского наступления звучало вполне правдоподобно. Но главным, пожалуй, было то, что «Сталин не хотел идти на трехстороннюю встречу с пустыми руками. Ему нужны были впечатляющие победы на советско-германском фронте, чтобы при встрече с Рузвельтом и Черчиллем можно было жестко и уверенно ставить важнейшие военно-политические вопросы, по которым союзники не имели согласия»⁷⁵.

Однако отказ от скорой встречи на высшем уровне нужно было как-то смягчить. Кроме того, ясно понимая всю важность такой встречи и будучи чужд импровизациям, Сталин хотел как следует

ее подготовить и в дипломатическом отношении. Не случайно в составленный Молотовым проект послания Рузвельту он собственноручно добавил четыре последних абзаца, предложив провести встречу «ответственных представителей» обеих стран с возможным подключением англичан⁷⁶. При этом, правда, оставалось не совсем ясным, какой именно уровень представительства имелся в виду.

Но уже на следующий день у Сталина, видимо, окончательно созрела мысль о проведении совещания представителей всех трех держав до встречи «большой тройки». В его послании Черчиллю от 9 августа тезис об откладывании встречи на высшем уровне сочетался со вполне определенным предложением: «Тем не менее, чтобы не откладывать выяснения вопросов, интересующих наши страны, целесообразно было бы организовать встречу ответственных представителей наших государств, причем о месте и времени такой встречи можно было бы договориться в ближайшее время»⁷⁷. Так появилась на свет идея проведения совещания министров иностранных дел, которая вскоре начнет воплощаться в жизнь. Тем не менее, в некоторой западной (а иногда и российской) литературе авторство этой идеи ошибочно приписывается англо-американцам.

В Лондоне и Вашингтоне, где были встревожены долгим молчанием Кремля и ожидали его негативной реакции на свои новые сепаратные переговоры, вздохнули с облегчением: «Оно (послание Сталина. — *Ред.*) гораздо лучше, чем я смел надеяться, и серьёзно разряжает обстановку, — телеграфировал Иден Черчиллю в Квебек, — Нам, видимо, следует сразу же согласиться на такую встречу в принципе, а время, место, повестку дня и состав участников определить позднее»⁷⁸. Рекомендации Идена премьеру были одобрены на заседании Кабинета 11 августа. Министры «выразили общее удовлетворение тоном и содержанием послания Премьера Сталина»⁷⁹. Посол США в Лондоне Вайнант в тот же день сообщал в Вашингтон, что сталинская идея встречи «второго уровня» была сразу же подхвачена в Форин Офис как «крайне полезная» и руководство министерства уже начало продумывать её содержание⁸⁰. Одним из мотивов столь быстрой положительной реакции было желание сгладить негативный общественный резонанс вокруг отсутствия СССР на «Квадранте». «Тот факт, что Россия не будет представлена на предстоящем совещании в Канаде, наверняка станет предметом публичного обсуждения, — говорилось в решении упомянутого заседания Кабинета, — Поэтому стоит ускорить подготовку конференции, предложенной премьером Сталиным»⁸¹. В совместном послании Сталину от 29 августа Рузвельт и Черчилль выразили полное согласие с его предложениями.

Но еще до этого оба лидера направили в Москву другое совместное послание — об итогах «Квадранта», подготовленное в Объединенном комитете начальников штабов⁸². На совещании в Квебеке

(14–24 августа) союзники в развитие «Трайдента» договорились о приоритете подготовки вторжения на север Франции при продолжении операций в Средиземноморье с целью окончательно оторвать Италию от стран «оси» и оккупировать ее. Планы операции «Оверлорд» стали обретать конкретные очертания: после захвата плацдарма предполагалось расширять его за счет переброски на континент 3–5 новых дивизий ежемесячно. Попытки Черчилля перенести основной упор на военные действия в Италии и захват островов в Эгейском море для выхода на Балканы были отвергнуты американской стороной, хорошо понимавшей суть британских маневров.

Накануне конференции в Квебеке военный министр Г. Стимсон передал Рузвельту меморандум, в котором, в частности, говорилось: «Британская концепция... состоит в том, что Германия может быть разбита серией изматывающих операций — на севере Италии, в восточном Средиземноморье, в Греции, на Балканах, в Румынии и других сателлитах, и что по-настоящему тяжелые сражения, которые необходимы, будет вести Россия. На мой взгляд, в свете грядущих послевоенных проблем такое отношение к России является крайне опасным. Ничуть не менее Великобритании мы обязались открыть подлинный второй фронт, и не можем рассчитывать на то, что подобные методы „булавочной“ войны смогут одурачить Сталина, заставив его поверить в нашу верность данному слову»⁸³.

Однако вопрос о сроках начала «Оверлорда» в совместном послании обоих лидеров был обойден стороной. Информировав Сталина о принятых в Квебеке решениях, союзники умалчивали и о заключении там секретного соглашения по продолжению англо-американского сотрудничества в области создания атомного оружия, разработка которого должна была оставаться в глубокой тайне от советского союзника. Сталин не стал отвечать на это послание союзников.

Укрепление международных позиций СССР

Колоссальные изменения, произошедшие в ходе войны в течение 1943 года, оказали глубокое воздействие на внешнюю политику и дипломатию СССР. Главным сдвигом стало резкое усиление международных позиций Советского Союза. Коренной перелом в ходе войны, наметившийся после Сталинградской битвы и закреплённый исполинскими сражениями на Курской дуге, создавал новую расстановку сил внутри «большой тройки». Становилось ясно, что Советский Союз сможет теперь не только разбить основные силы вермахта, но и выйдет из войны новой великой державой с заметно укрепившимися позициями в мире. К этому сводились прогнозы как военных планировщиков, так и гражданских экспертов США, ещё недавно прорабатывавших сценарии «падения России». «Если СССР выйдет из этой войны покорителем Германии, — писал летом 1943 г. один из основоположников современной геополитики Г. Маккиндер, — он станет

самой мощной сухопутной державой мира». Что ещё важнее, предсказывал Маккиндер, Советский Союз будет контролировать «величайшую естественную крепость Земли» — евразийский «хартлэнд»⁸⁴. «Когда Германия будет разгромлена, — подчёркивалось в меморандуме Комитета стратегического обзора (сентябрь 1943 г.), — Россия будет обладать военной машиной, которой к востоку от Рейна и Адриатики не сможет бросить успешный вызов ни одна страна или комбинация стран»⁸⁵.

Из этой ставшей очевидной перспективы делались прямо противоположные выводы: одни — такие как бывший посол США в Москве У. Буллит, предлагали попытаться предотвратить советское доминирование в Европе путем опережения Красной Армии силами западных союзников, другие — как генерал Эмбик, ратовали за сближение с новым мировым гигантом. «Поскольку Россия является решающим фактором в войне, нам следует предоставить ей всю возможную помощь и не жалеть усилий для завоевания ее дружбы, — подчеркивал он в уже упомянутом меморандуме, — Равным образом, поскольку Россия, несомненно, будет преобладать в Европе после разгрома стран «оси», тем более важно развивать и поддерживать с нею самые дружественные отношения»⁸⁶. Эта последняя позиция разделялась и самим Рузвельтом, который пресекал попытки «ястребов» ужесточить политику США в отношении СССР⁸⁷.

Так или иначе, Советский Союз, который на протяжении большей части межвоенного периода находился в относительной международной изоляции и рассматривался подчас как «изгой» Версальской системы, теперь выходил на авансцену мировой политики. Эта трансформация глобального порядка сопровождалась серьезными изменениями во внешней и внутренней политике самого СССР, отражалась на том, как его руководство позиционировало свое государство и как оно действовало на международной арене и внутри страны.

Международные позиции Советского Союза укреплялись. Одним из показателей было количество государств, установивших с ним дипломатические отношения. Их число достигло к концу 1943 г. уже 31 по сравнению с 24 в сентябре 1942 г.⁸⁸ Помимо государств Латинской Америки среди них были такие крупные страны, как Канада, Австралия, Египет. Повысился и уровень дипломатического представительства: к концу 1943 года со всеми странами кроме Австралии, Болгарии, Кубы и Швеции установились отношения на уровне послов. В большинстве случаев эти страны сами тянулись к налаживанию отношений с СССР как новой мировой державой, отказываясь от прежних претензий и условий. Советские дипломаты даже получали указания из Москвы не проявлять особой заинтересованности в этом вопросе, а дожидаться предложений иностранных государств. Когда Египет в августе 1943 г. попытался сопроводить установление дипломатических отношений обязатель-

ством Москвы не вмешиваться во внутренние дела Египта (ссылаясь на советско-английское соглашение 1921 года), Майский, находившийся в Каире проездом в Москву, дал ясно понять: ситуация 1921 г. и та, что существует сейчас, радикально отличаются⁸⁹.

В том, что касается усиления позиций СССР в мире, серьезное значение имела и субъективная сторона дела — советское руководство ощущало себя все более уверенно. Обсуждая осенью 1943 г. план мероприятий в связи 26-й годовщиной Октябрьской революции, Политбюро ЦК ВКП (б) среди тем партийных докладов выделило «Укрепление международного положения Советского Союза»⁹⁰. О скором поражении Германии руководители НКВД стали упоминать и в беседах с иностранными представителями⁹¹. Британский посол А. Керр в своих донесениях отмечал «новое чувство уверенности в своих силах», как в советском руководстве и армии, так и среди простых людей: он видел его проявления в салютах в честь новых побед, в быстром восстановлении колхозной жизни, возвращении дипломатического корпуса в Москву и многих других приметах⁹². В отчете президенту Рузвельту о своих встречах в Кремле эмиссар президента Дж. Дэвис также писал, что вынес «очень твердое убеждение в том, что руководители (советского. — *Авт.*) правительства и народ вновь обрели себя и полны новой глубокой уверенности в своих силах»⁹³.

Превращение СССР в великую державу сопровождалось важными изменениями во внешнеполитическом инструментарии. Налицо была определенная «традиционализация» советской внешней политики — усиление ее преемственности с политикой исторической России, а также снижение роли «революционной» составляющей. Большой резонанс в дипломатических и разведывательных кругах западных союзников получили известные шаги советского руководства — примирение государства с церковью («разительный отход от духа марксизма-ленинизма», по оценке УСС), роспуск «штаба мировой революции» — Коминтерна, снижение роли партийных комиссаров в армии и возрождение в ней традиционных офицерских званий и знаков отличия, перестройка вселенско-большевистской идеологии и символики в более традиционном национально-патриотическом ключе, включая знаковую замену «Интернационала» новым гимном (слова которого, как сообщало посольство США в Москве, «не содержат никаких ссылок на марксизм, а апеллируют к национальной гордости»). Особенно большой отклик в западных столицах получил роспуск Коминтерна, который, как отмечалось в отчете посольства США в Москве за 1943 г., «стал ободряющим признаком желания Советского Союза улучшить отношения с союзниками... и внес важный вклад в улучшение этих отношений»⁹⁴.

Все это способствовало новому взгляду на состояние и перспективы советской системы, которая все чаще рассматривалась как переходящая из революционной в «термидорианскую» стадию и постепен-

но превращающаяся в подобие нормальной великой державы авторитарного типа с легитимными национальными интересами и рациональными мотивами поведения⁹⁵. Подводя итоги переломного 1943 года, специалисты УСС подчеркивали: «Советский режим выдержал испытание войны в 1943 г. с удивительной твердостью... Давление войны усилило тенденцию к возрождению традиционных взглядов и практики, которые усиливают национальную солидарность и публичную власть...».

Среди этих проявлений особо отмечался рост «иерархии в профессиональной, военной и гражданской среде», и в более широком плане — «растущая в СССР тенденция к развитию более нормальных и менее „чрезвычайных“ типов институтов по мере усиления и стабилизации режима... Диктатура продемонстрировала отзывчивость к факторам общественной жизни, отражающим желания народа». События года, подводился итог в докладе, «бесспорно, усиливают тенденции кристаллизации советской нации, для которой социализм будет лишь одной из сторон национальной жизни»⁹⁶.

По сути, сталинское руководство стремилось связать идеалы социализма с национально-патриотической риторикой и практикой, вписать социалистическую стадию развития в контекст исторического пути России. Так, планируя агитационную работу в связи с 26-ой годовщиной Октябрьской революции, Политбюро постановило: «В докладах и беседах, а также в областных, краевых и республиканских газетах необходимо показать, что в результате Октябрьской революции преодолена вековая отсталость России и наша страна превратилась в могущественную индустриальную и колхозную державу, способную отстаивать свою свободу и независимость. Красная Армия и советский народ защищают свое социалистическое отечество, защищают самый передовой строй в мире — советский строй»⁹⁷.

Западные аналитики обращали особое внимание на усиление «славянской» линии во внешней политике СССР, проявившееся, в частности, в создании Всеславянского Комитета, который стал налаживать связи с другими славянскими народами. Комментируя работу его пленума в октябре 1943 г., поверенный в делах США в СССР М. Гамильтон считал, что речь идет о «дрейфе» советской политики в сторону «панславизма старого типа, когда Россия претендовала на лидерство в славянском мире»⁹⁸. Британские политики, учитывавшие давний опыт отношений Великобритании с царской Россией, тоже заговорили о том, что внешняя политика СССР при Сталине «быстро возвращается к традиционным линиям давних царских дней»⁹⁹. Суммируя настроения экспертов Северного департамента Форин Офис, ответственного за отношения с СССР, британский историк М. Фолли пишет: «Они полагали, что Сталин и его политика „социализма в отдельно взятой стране“ превратили Советский Союз из „революционной идеи“ в национальное

государство. Война ускорила изменения в советском государстве, имеющие консервативный характер»¹⁰⁰. В целом, подобная трансформация советской внешней политики воспринималась на Западе как весьма позитивное явление, поскольку эта политика становилась более прагматической, предсказуемой и открытой для реалистических компромиссов.

Важным процессом в рамках укрепления международных позиций СССР была его легитимация как «нормального» государства, полноценного члена международного сообщества Объединенных Наций. Изменение образа советского государства за рубежом и его восприятия союзниками по антигитлеровской коалиции создавали более благоприятные условия для проведения Москвой эффективной внешней политики. В американском и британском общественном мнении СССР к осени 1943 г. все явственнее предстал в качестве надежного союзника в войне и даже как государства, напоминавшего западные демократии. Популярный американский журнал «Кольерс» в октябре 1939 г. убеждавший своих читателей в том, что «никакого реального различия между коммунизмом и фашизмом не существует», в 1943 г. писал уже совсем в другом ключе. Россия, говорилось на его страницах, «эволюционирует ... в сторону чего-то напоминающего демократию, в том виде как она существует у нас и в Великобритании»¹⁰¹. Улучшению образа СССР в американском общественном мнении большое значение придавал президент США Ф. Рузвельт. В частности, он опекал работу над фильмом «Миссия в Москву» по одноименной книге близкого к нему Дж. Дэвиса. По мнению Управления военной информации, этот фильм «представлял русский народ очень доброжелательно. Были приложены все усилия, чтобы показать, что русские и американцы не так уж сильно отличаются друг от друга»¹⁰². В таком же духе велась и армейская пропаганда. «Ленин и Сталин, — говорилось, например, в «Брошюре о России» — наставлении для личного состава вооруженных сил США, выпущенным военным министерством в разгаре войны, — спасли молодое советское государство и постепенно создали условия для политического, экономического и военного развития сегодняшней России... Важнейшим результатом и лучшим оправданием пятилетних планов промышленного развития стало то, что СССР в итоге заполучил средства самообороны, обеспечившие поражение гитлеризма»¹⁰³. Как видим, подобные оценки немногим отличались от пропагандистских установок Политбюро ЦК ВКП (б).

Еще более радикальным было изменение прежних представлений об СССР в Великобритании. Лорд Бивербрук, сочувственно относивший к политике сотрудничества с СССР, еще в феврале 1942 г. подчеркивал: «Когда мы вступили в союз с Россией, прошлое было забыто»¹⁰⁴. Действительно ранее сложно было представить, что британское правительство на высоком официальном уровне будет пышно праздновать

вать день Красной Армии (как это было в лондонском Альберт-холле в феврале 1943 г.) или то, что Черчилль будет поздравлять Сталина с годовщиной рождения советского государства, которое он ранее призывал «задушить в колыбели». Все это отражало атмосферу союзнических отношений той поры. В январе 1944 г. Черчилль писал Идену о «глубоких изменениях, которые происходят в характере Русского государства и правительства» и даже отмечал «новое доверие, которое зреет в наших сердцах в отношении Сталина»¹⁰⁵. В обзорах британского общественного мнения за июль–август 1943 г., поступавших в министерство информации, также говорилось о «восхищении военными успехами России, её стратегией, о вере в возможности советского союзника»¹⁰⁶. Решающим фактором были ослепительные победы Красной Армии: «...во время войны, — писал в отчете представитель Совинформбюро в Лондоне С. Ростовский (Эрнст Генри) — основным советским пропагандистом в Англии была Красная Армия, на танках которой двигалось и широко разглашалось советское слово...»¹⁰⁷.

Особую роль в восприятии СССР за рубежом играл вопрос об отношениях советского государства с Русской православной церковью. Примирение советской власти с церковью, отмеченное исторической встречей Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем 4 сентября 1943 г., безусловно, было связано с патриотической деятельностью церкви во время Великой Отечественной войны. Однако на этот шаг влияли и внешнеполитические соображения, а сам он в свою очередь имел заметные международные последствия. Нормализация отношений церкви с государством должна была продемонстрировать возросшую зрелость советской системы, укрепив благоприятный образ СССР в глазах общественного мнения стран-союзников. С образованием Совета по делам РПЦ при СНК СССР (который не случайно курировал Молотов), резко расширились международные контакты РПЦ, начиная с визита в Москву делегации англиканской церкви во главе с архиепископом Йоркским С. Гарбеттом в октябре 1943 г.

В ответ на запрос Управления стратегических служб, в котором говорилось об «огромном интересе» УСС к новой религиозной политике советских властей, посольство США в Москве характеризовало эти изменения как «беспрецедентно благожелательное отношение советского государства к Церкви», которое необходимо принимать во внимание при оценке «общей ситуации» в советско-американских отношениях¹⁰⁸. Для аналитиков Госдепартамента, настроенных несколько более скептически, новая религиозная политика Москвы была частью «славянской» внешнеполитической линии. Эксперт по европейским проблемам Э. Дюрброу указывал в октябре 1943 г. на «возможную связь между [пан-славянским] движением и признанием и восстановлением Патриарха православной церкви в России. Есть основания предполагать, что среди южных славян, которые так-

же являются православными, подавление религии [в СССР] было одним из препятствий для выражения полной симпатии советскому правительству»¹⁰⁹.

Отмеченные изменения во внешней и внутренней политике СССР были, прежде всего, связаны с необходимостью мобилизации и национального сплочения всей страны в борьбе со смертельным врагом. Но в то же время они служили своеобразной данью участия Советского Союза в антигитлеровской коалиции, поскольку учитывали общественное мнение и запросы его западных союзников.

В целом укрепление международных позиций СССР, рост его авторитета и престижа во всем мире стали большим политическим капиталом советской внешней политики, создавая благоприятные возможности для достижения ее целей и укрепления антигитлеровской коалиции.

Вместе с тем, эти процессы имели и свою теневую сторону — в военно-политических кругах Запада нарастали опасения, связанные с усилением Советского Союза и угрозой его превращения в опасного конкурента. Уже после Сталинградской битвы военные и политические планировщики США и Великобритании стали задаваться вопросами о том, насколько далеко зайдет Красная Армия в своем продвижении на Запад, и какую цену запросит СССР за свой решающий вклад в разгром гитлеровской Германии¹¹⁰. Пока эти опасения накапливались подспудно, но советская внешняя политика должна была учитывать и эту реальность.

Новая роль СССР в составе антигитлеровской коалиции ярко проявилась в ходе подготовки Московской конференции министров иностранных дел, а также Тегеранской конференции. Выбор мест проведения этих встреч стал предметом острого дипломатического торга между Сталиным и союзниками, которые предлагали другие, более удобные для себя варианты. Но Сталин не уступал. В посланиях Рузвельту и Черчиллю от 8 сентября он предложил местом встречи представителей трех держав назначить Москву и не собирался отступать от своего выбора. Дело было не только в соображениях престижа. Проведение конференции у себя под боком давало Сталину явное преимущество перед Рузвельтом и Черчиллем в отслеживании работы конференции и воздействии на ее ход. Что касается Тегерана, то и здесь позиция Кремля с самого начала была непреклонной, несмотря на сильное сопротивление Рузвельта, называвшего возможный срыв встречи из-за этих разногласий «трагедией». «Совпра не намерено отступать от намеченного ранее для встречи с Рузвельтом пункта встречи, — сообщал Молотов Громыко 12 октября «для личной ориентировки», — Каир или какой-то крейсер не могут быть приняты для этого»¹¹¹. Тегеран, находившийся недалеко от советской границы с СССР и рядом с зоной оккупации советских войск, был гораздо удобней для Сталина, чем для его партнеров, особенно — Рузвельта, которому пришлось отправиться за тысячи миль для

встречи с советским лидером. То, что Сталин сумел настоять на своем выборе, говорило не столько о его дипломатическом искусстве, сколько о новом авторитете СССР, с которым приходилось считаться его западным партнерам.

Коренной перелом в ходе войны ставил перед советской дипломатией и новые задачи. В отношении нейтральных государств цель удержания их от перехода на сторону «оси» сменялась необходимостью противодействия их «мирным проискам» — попыткам стать посредниками в заключении сепаратного мира СССР с Германией. Подобный зондаж с лета 1943 г. начал предприниматься японской дипломатией; в нейтральной Швеции такие предложения поступали непосредственно от германских эмиссаров. Следуя своим союзническим обязательствам, Москва добросовестно информировала Вашингтон и Лондон о подобных контактах, ожидая от них такой же взаимности. Новой задачей стал отрыв от Германии ее европейских сателлитов — Финляндии, Болгарии, Венгрии и Румынии. Уже летом 1943 года советская дипломатия начала прилагать большие усилия, чтобы вывести из войны Финляндию. Весной следующего года с ней было заключено перемирие на весьма щадящих для финнов условиях. Правительства Болгарии, Венгрии и Румынии, которых Москва призывала порвать с Германией пока не поздно, не решились повернуть оружие против вермахта, что впоследствии по условиям перемирий привело к размещению на их территории советских войск.

Планирование послевоенного мира

Наиболее явно смена внешнеполитических приоритетов отразилась в развернувшейся подготовке к завершению войны и послевоенному урегулированию. Расширение дипломатических связей и укрепление мировых позиций СССР ставило в повестку дня вопрос об организации системы подготовки профессиональных дипломатических кадров. Осенью 1943 года было принято решение о создании в Московском государственном университете факультета международных отношений. В октябре следующего года постановлением СНК на базе этого факультета и Московского института востоковедения был создан самостоятельный Институт международных отношений, ставший вскоре главной кузницей дипломатических кадров¹¹². Принципиальные основы советской программы послевоенного миропорядка были впервые изложены в докладе Сталина 6 ноября 1943 г. в связи с 26-летней годовщиной Октябрьской революции. Она включала в себя следующие пункты: освобождение народов Европы от фашистских агрессоров и оказание им содействия в восстановлении своей государственной независимости, предоставление освобожденным народам полного права самим решать вопрос о своем государственном строе, наказание фашистских преступников за совершенные ими злодеяния, создание условий для исключения

новой агрессии со стороны Германии, восстановление разрушенной оккупантами экономики на базе всеобщего сотрудничества европейских народов¹¹³. Наряду с провозглашением этих публично заявленных целей в Москве началась аналитическая проработка конкретных проблем перехода от войны к миру.

Важной площадкой открытого обсуждения этой проблематики стал новый журнал «Война и рабочий класс», который начал выходить с июня 1943 г. С самых первых номеров этого издания на его страницах по инициативе М. М. Литвинова (выступавшего под псевдонимом Малинин) началось обсуждение послевоенных международных проблем¹¹⁴. Постановлением СНК в соответствии с решением Политбюро от 4 сентября 1943 г. при НКВД были созданы Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства во главе с М. М. Литвиновым и Комиссия по вопросам перемирия во главе с К. Е. Ворошиловым¹¹⁵. В ноябре к ним добавилась Комиссия по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками, которую возглавил И. М. Майский. Комиссии были составлены из опытных советских дипломатов, ученых и военных, которые в закрытом режиме занялись анализом поставленных перед ними проблем и выработкой практических рекомендаций по их решению. Деятельность этих комиссий широко развернулась с начала 1944 года, но уже и в первых их разработках просматривались принципиальные черты подхода советской дипломатии к проблемам послевоенного устройства.

Основу этого подхода составлял поиск обеспечения безопасности Советского Союза с учетом геополитических уроков межвоенного периода и самой войны. Великая Отечественная война с ее огромными материальными и людскими потерями, оккупацией значительной части страны, само существование которой было поставлено на карту, преисполнила советское руководство решимостью не допустить повторения подобной катастрофы в будущем. Война выявила опасные уязвимые места в обеспечении безопасности страны: проницаемость ее западных границ, ограниченность выхода в мировой океан, отсутствие надежных союзников и стратегических опорных пунктов за пределами страны, острая нехватка потенциала проецирования мощи (стратегической и транспортной авиации, современного океанского флота), недостаточность военно-технологической базы. Грядущая победа давала уникальную возможность ослабить эти уязвимости, перевести огромные жертвы советского народа и военные успехи Красной Армии в долговременное укрепление международных позиций СССР, и тем самым — восстановить историческую справедливость в отношении России, нарушенную в неудачных войнах предшествовавших десятилетий. Приближавшийся разгром сильнейших исторических противников России — Германии и Японии, военное доминирование Красной Армии на евразийском пространстве, новый

международный авторитет СССР как признанного члена победоносной антифашистской коалиции — всё это открывало редкую возможность для коренного укрепления мировых позиций СССР, обеспечения его интересов безопасности на десятилетия вперед.

Главной стратегической задачей оставалась защита огромной и уязвимой территории страны. В политическом плане это предполагало предотвращение возникновения враждебной коалиции держав, превосходящих по своей военной мощи Советский Союз. Долговременное обезвреживание Германии (а в Азии — Японии) в сочетании со скорым, как ожидалось, выводом американских войск из Европы сулило благоприятный военный баланс на европейском континенте, при котором, как писал в своей записке начала 1944 года «Желательные основы послевоенного мира» И. М. Майский, «в послевоенной Европе была бы только одна могущественная сухопутная держава — СССР и только одна могущественная морская держава — Англия»¹¹⁶. Поэтому возрождение Франции представлялось желательным «без её бывшего военного могущества», а Италию следовало ослабить репарациями, изъятием колоний и сужением границ. «Моральный принцип наказания — он неплох на будущее время, — говорил на заседании комиссии Литвинова академик Е. В. Тарле, — ведь предстоят ещё тревожные времена, и память об известном рода ущербе, который влечёт за собой нападение на Россию, будет иметь воздействие даже для итальянского народа, впечатлительного, легко увлекающегося и трижды воевавшего против нас без провокаций с нашей стороны»¹¹⁷.

В отношении Германии среди советских экспертов еще не было единой позиции, хотя необходимость ликвидации ее военного потенциала и денацификации признавалась всеми. Члены Комиссии Литвинова выступали за максимально жесткое обращение с поверженной Германией, вплоть до ее расчленения. Эта позиция порождалась сомнениями относительно возможности проведения единой союзной политики в Германии. «Теоретически можно было бы совершенно обезвредить Германию на долгие годы путем разоружения и репараций, — говорил Литвинов на заседании комиссии в марте 1944 г., — но при условии, что соответственные мероприятия проводились бы последовательно и под неослабным контролем трех великих держав, для чего требуется длительное согласие между ними. Ввиду отсутствия гарантий такого согласия и возможности расхождений возникает опасность сознательного ослабления контроля со стороны некоторых держав и даже активного поощрения вооружения и реиндустриализации Германии. Расчленение затруднит подобные попытки. Вновь вооружить расчлененную на множество независимых государств Германию и снова превратить ее в мощное промышленное государство — дело многих и многих десятилетий. И только в этом я вижу смысл расчленения»¹¹⁸. Комиссия Ворошилова предлагала

более умеренное обращение с Германией и эта линия, в конечном счете, возобладала¹¹⁹.

В геополитическом отношении главное решение проблемы безопасности виделось в наращивании глубины обороны, прежде всего — на западном направлении, служившим основным коридором вражеских вторжений. Учитывался опыт войны и межвоенного периода («санитарный кордон»), когда большинство стран Восточной Европы служили средством изоляции СССР, а затем присоединились к странам «оси». Поэтому главным способом решения этой задачи считалось сохранение расширенных западных границ 1941 года наряду с созданием пояса безопасности из дружественных государств, которые бы шли в фарватере советской внешней политики.

Отдавая дань официальной марксистско-ленинской идеологии, советские дипломаты не исключали и революционного пути развития послевоенной Европы, который мог резко обострить отношения с союзниками, превратив СССР и США, по словам Майского, в «противоположные полюса социального напряжения», «Пролетарские революции» в Европе и особенно в Германии, как подчеркивал он, создадут принципиально иную политическую ситуацию в мире и потребуют «пересмотра» всей внешнеполитической стратегии СССР. Но «это пока еще музыка будущего». Превращение континентальной Европы в социалистическую Майский относил на 30–50 лет или «два поколения» вперед¹²⁰.

Поэтому основным сценарием было эволюционное развитие Европы в буржуазно-демократическом либеральном направлении. При таком развитии событий не предвиделось серьезных противоречий с западными союзниками. А. А. Громыко в своей большой аналитической записке лета 1944 года уверенно предсказывал, что при отсутствии революционных потрясений «США будут сочувствовать и способствовать установлению в западно-европейских странах, и прежде всего в Германии, буржуазно-демократических политических режимов»¹²¹. Того же мнения придерживался и Майский: «Есть основания думать, — заключал он в своей записке, — что по вопросу о демократическом режиме в странах послевоенной Европы сотрудничество между СССР, США и Англией окажется возможным, хотя и не всегда легким»¹²². И даже Литвинов, рассматривавший возможность такого сотрудничества более скептически, усматривал интерес США в «нормализации жизни европейских стран», «установлении таких буржуазно-демократических или даже консервативных форм правления, при которых не приходилось бы опасаться социальных потрясений»¹²³.

При таком варианте западные соседи СССР сохраняли свое независимое существование, хотя и входили бы в советскую сферу безопасности. В этом русле шли предложения Майского о заключении договоров о взаимопомощи с Румынией, Югославией и Болгарией, о размещении советских военных баз

в Финляндии. Отсюда же — и рекомендации комиссий Литвинова и Майского об отношении к тем или иным восточно-европейским странам. «... Мы не заинтересованы в нарождении слишком большой и слишком сильной Польши, — откровенно писал Майский, — В прошлом Польша почти всегда была врагом России, станет ли будущая Польша действительным другом СССР... никто с определенностью сказать не может». Литвинов и Лозовский также были против «чрезмерного усиления» Польши как «барьера против нас и остря» в руках английской политики¹²⁴. То же самое относилось к Венгрии и Румынии. Другое дело — Чехословакия, способная, по словам Майского, «стать проводником нашего влияния в центральной и юго-восточной Европе»: поэтому «если при окончательной перекройке карты Европы окажется возможным еще что-либо прирезать к Чехословакии, это следует сделать»¹²⁵. При всей откровенности этих выкладок за ними, несомненно, крылась презумпция независимого, «не советского» статуса этих стран — иначе зачем было бы ослаблять лояльных союзников? Другими словами, под «дружественными государствами» подразумевалось нечто вроде традиционной, «открытой» сферы влияния, с которой готовы были смириться и западные планировщики.

На Дальнем Востоке ту же задачу наращивания глубины обороны предлагалось решить за счет возвращения территорий и прав, утраченных Россией в войне с Японией или уступленных ей позднее (Южный Сахалин, Порт-Артур, порт Дальний, КВЖД и ЮМЖД) плюс Южные Курилы. В сочетании с планировавшимся советским участием в оккупации Северного Хоккайдо это обеспечивало бы полный контроль над Охотским морем и устойчивый выход советского флота в Тихий океан.

Самым уязвимым флангом оставалась южная граница СССР в районе Закавказья с выходом на недружественные Турцию и Иран и расположенными поблизости главными месторождениями нефти и производственными мощностями по её переработке. Это признавала в своих оценках и разведка западных союзников, а в Москве хорошо понимали, что в случае войны район Баку станет одной из главных стратегических целей противника (о чём свидетельствовали и известные в Кремле англо-американские планы его бомбардировок в 1940 г.). Опыт войны также показал стратегическое значение Ирана как транзитного коридора, ведущего к территории СССР: Иран, писал в той же записке Майский, «прикрывает наш Кавказ и обеспечивает нашу связь с Персидским заливом»¹²⁶. В этом контексте рассматривался проект создания про-советского Иранского Азербайджана на севере Ирана, продолжавший в новой форме усилия царской дипломатии рубежа XIX–XX вв. по укреплению там сферы влияния России в пике Великобритании. Сюда же можно отнести и предпринятую позднее попытку вернуть пограничные районы — Карс и Ардаган, отошедшие в 1921 к Турции (когда, по

словам В. М. Молотова в беседе с турецким послом, СССР «был обижен в территориальном вопросе»)¹²⁷.

Другой важнейший урок войны состоял в необходимости обеспечения свободного выхода через Балтийское и Чёрное моря, которые активно использовались германским флотом против СССР. С этой целью советская дипломатия планировала заполучить Кёнигсберг с прилегающим к нему районом Восточной Пруссии, придавала большое значение укреплению советского влияния над режимом Балтийских проливов. Они, подчёркивал М. М. Литвинов в специальной записке на имя Сталина и Молотова, лежат «на линии коммуникаций между советскими портами Балтийского моря и портами СССР в Ледовитом океане, в Белом и Чёрном море и в Тихом океане... и имеют такое же значение для Советского Союза как, например, Панамский канал для США...

Опыт первой и второй мировых войн показывает, какой ущерб может быть нанесён Советскому Союзу при овладении господством над проливами враждебным государством и разъединении советских балтийских портов со всем остальным миром»¹²⁸. Для решения этой задачи Литвинов акцентировал необходимость интернационализации Кильского канала и балтийских проливов, а НКВМФ и соответствующий региональный отдел НКВД предлагали склонить Норвегию и Данию к соглашению о совместной обороне архипелага Шпицберген и острова Борнхольм¹²⁹.

По той же схеме предлагалось оказать давление на Турцию с целью обеспечения свободного прохода через черноморские проливы. В 1944–1945 гг. эксперты НКВД разработали несколько вариантов решения этой проблемы, начиная с частичного пересмотра конвенции Монтрё и кончая совместной советско-турецкой охраной проливов с предоставлением Советскому Союзу военно-морской базы в зоне проливов (последняя идея была заимствована из разработок царской дипломатии конца XIX века¹³⁰).

В целом, стратегические проекты советских планировщиков шли в русле традиционных геополитических устремлений России, и при всей своей амбициозности не имели характера глобальной геополитической или идеологической экспансии. Эти запросы представлялись в Москве обоснованными не только стратегически, но и морально, ибо считались заслуженной долей геополитических трофеев войны, по праву причитающейся Советскому Союзу за его огромные потери и решающий вклад в разгром фашизма. По этой логике СССР, превратившийся за годы войны из международной парии в общепризнанную великую державу, имел, по крайней мере, не меньше прав, чем США и Великобритания, на свою сферу безопасности.

Стратегическая обоснованность большей части этих геополитических запросов СССР поначалу признавалась и на Западе — как экспертами в открытой печати¹³¹, так и во внутренних оценках англо-американских военных и дипломатов. Напри-

мер, в специальном аналитическом докладе 1944 года «Стратегические интересы России с точки зрения ее безопасности» эксперты высшего органа британской разведки — Объединенного комитета по разведке ставили себя на место советских планировщиков, исходя из соображений геополитической и военной логики, общей для всех великих держав. При этом они стремились к максимальной объективности и вряд ли были склонны преувеличивать советские потребности в сфере безопасности.

В докладе констатировалось, что главными стратегическими приоритетами СССР должны являться необходимость защиты огромных границ (особенно — на самом уязвимом западном направлении), ликвидация на возможно долгий период способности главных исторических врагов России — Германии и Японии к новой агрессии, обеспечение свободного выхода в мировой океан и грандиозная задача послевоенного восстановления народного хозяйства страны. Для решения этих задач, резонно подчеркивали авторы, СССР «будет стремиться создать такую систему безопасности за пределами своих границ, которая смогла бы, насколько это в человеческих силах, обеспечить ей мир и навсегда предотвратить угрозу ужасающих разрушений и бедствий войны, дважды испытанных ею в течение жизни одного поколения»¹³². В целях обеспечения своей безопасности СССР, считали британские аналитики, пойдет «путём создания системы буферных государств вдоль своих границ, тесно связанных с Россией, и ликвидации на возможно более длительный период способности Германии и Японии к агрессии. В Европе Россия будет считать Финляндию, Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию и в меньшей степени Югославию в качестве своего защитного пояса... Она захочет преобладать в Чёрном море и быть в состоянии контролировать проход военных кораблей через Проливы. На Среднем Востоке она захочет контролировать Северную Персию. На Дальнем Востоке помимо приобретения Южного Сахалина и Курил она будет стремиться заполучить какую-то форму контроля над Маньчжурией и Кореей, вероятно — в духе тех привилегий, которые она имела в Маньчжурии до 1904 года, когда Россия владела Дайреном и Порт-Артуром и ведущими к ним коммуникациями»¹³³.

По ряду пунктов британские планировщики предусматривали даже более обширную сферу советских интересов безопасности, чем ту, на которую впоследствии реально претендовал Советский Союз. Вопреки их прогнозам Москва не пошла на захват Маньчжурии и Кореи, не стала перекрывать для Запада доступ к нефтяным ресурсам Ирана, Ирака и Саудовской Аравии или добиваться нейтрального статуса для Норвегии и Турции. Показательно, что даже столь расширенное толкование сферы советского влияния не вызывало тогда большой тревоги британской разведки. Прогнозируемая ими на послевоенный период «стратегическая система» Советско-

го Союза почти не пересекалась со стратегической орбитой Британской империи, а, значит, сохранялась возможность сосуществования и даже сотрудничества «большой тройки» после войны¹³⁴.

Советские планировщики также исходили из того, что подобное расширение советской зоны безопасности удастся совместить с сохранением равных отношений с Западом. Эти надежды зиждились на нескольких основных посылах. Одной из них было представление о США как о мощной и растущей, но отдалённой державе, интересы которой мало сталкиваются с интересами СССР и которая не сможет представлять реальную военную угрозу Советскому Союзу. Литвинов, например, считал, что «отсутствуют основательные причины для серьёзных и длительных конфликтов между США и СССР в какой-либо части света (за исключением, может быть, Китая)»¹³⁵. Другой важной посылкой была надежда на возможность «полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства» с Великобританией (Литвинов), которая выйдет из войны резко ослабленной, столкнется с сильнейшей американской конкуренцией и будет заинтересована в стабилизации отношений с СССР. В сферу интересов Великобритании, по мнению Литвинова, могли войти Голландия, Бельгия, Франция, Испания, Португалия и Греция, а Норвегия, Дания, Германия, Австрия и Италия могли бы составить «нейтральную зону».

Считавшийся неизбежным «англо-американский антагонизм» не только исключал (или, по крайней мере, сильно затруднял) формирование англо-американской коалиции против СССР, но и сулил советской дипломатии повышенную свободу рук и возможность использовать эти противоречия в своих интересах. Так, например, признавая «огромную стратегическую важность» бывших итальянских колоний в Африке для Великобритании и предвидя её сильное сопротивление советским запросам, Литвинов рассчитывал в этом на помощь США как противника британского империализма: «Для того, чтобы сбить Англию с её позиций, нам, несомненно, потребуется сильная поддержка со стороны США», писал он. В то же время и Великобритания с её флотом и широкой сетью военных баз, считал Майский, «может нам понадобиться для балансирования перед лицом империалистической экспансии США».

В целом, вырисовывался своеобразный «концерт» трёх великих держав, основанный на разграничении и взаимном признании сфер интересов друг друга. Хорошо понимая опасность раскола мира на враждующие военно-политические блоки, советские планировщики рассчитывали избежать его как путём сохранения сотрудничества между членами «большой тройки», так и за счёт сохранения этих сфер открытыми и ограниченными лишь вопросами безопасности. Так, «полюбовный раздел» с Великобританией, по Литвинову, должен был быть основан на том, что «Англия должна обязаться не вступать

в какие-либо особо близкие отношения и не заключать против нашей воли каких-либо соглашений со странами, входящими в нашу сферу безопасности, и само собой не должна добиваться там военных баз, ни морских, ни воздушных. Такие же обязательства мы можем дать в отношении английской сферы безопасности». Для придачи этим сферам большего международно-правового обоснования Литвинов даже предлагал облачить их в форму «региональных секций» в рамках будущей ООН, которые бы закрепили лидирующее положение великих держав в пределах зон их региональной ответственности без ущемления независимости остальных входящих в них стран (зона США при этом должна была охватывать всё Западное полушарие и большую часть Азиатско-тихоокеанского региона).

В обеспечении послевоенной безопасности СССР, по мнению комиссий НКВД, должен был опираться, прежде всего, на свои собственные силы, сохраняя свободу действий. Как подчеркнул в сентябре 1943 г. видный дипломат Б. Е. Штейн в одном из докладов комиссии Литвинова, «в интересах Советского Союза будет сохранение полной свободы маневрирования в Европе»¹³⁶. Важнейшей предпосылкой этого было дальнейшее укрепление оборонного потенциала страны, прежде всего — его промышленной и научной базы. Советское руководство, с его настороженностью к капиталистическому Западу и тяжелым опытом прошлого в отношениях с ним, было готово при необходимости отстаивать свои интересы и в одиночку.

Вместе с тем, советские дипломаты исходили из того, что оптимальным путем достижения намеченных целей будет сохранение сотрудничества с США и Великобританией. Оно было необходимо не только для окончательного разгрома общего врага, но и для совместного обезвреживания Германии и Японии после войны. В рамках такого сотрудничества было бы легче заключать мирные договоры с сателлитами Германии, добиться международно-правового признания послевоенных границ СССР, отстаивать дружественные правительства в соседних государствах. Хотя в Москве знали, что здесь предстоит упорный торг (особенно — по Польше), согласованный раздел сфер безопасности был гораздо предпочтительней конфронтационно-силового. Кроме того, только при сохранении отношений в рамках «большой тройки», можно было рассчитывать на использование англо-американских противоречий, выдерживая при этом «генеральную линию нашей внешней политики» (по словам С. А. Лозовского на заседании комиссии Литвинова) — «не дать сложиться блоку Великобритании и США против Советского Союза»¹³⁷.

Наконец, сотрудничество с Западом, особенно — с США, считалось необходимым для получения экономической и финансовой помощи, столь насущной для восстановления разрушенного войной хозяйства страны. Не случайно на встрече с главой Управления

военного производства США Д. Нельсоном в октябре 1943 г. Сталин поднял вопрос о масштабных закупках американского промышленного оборудования после войны за счет долгосрочного кредита¹³⁸. По оценкам экспертов Наркомата внешней торговли, сделанным в тот же период, потребность СССР в таком кредите от США составляла 6 млрд долл., а от Великобритании — 1 млрд долл. (оба с погашением в течение 25 лет)¹³⁹. В мае 1943 года советская делегация приняла участие в работе конференции Объединенных Наций по послевоенным продовольственным проблемам, а в октябре того же года было принято решение об участии советских экспертов в совещании по подготовке создания Международного Валютного Фонда и Всемирного Банка реконструкции и развития.

Даже в чувствительной области военного сотрудничества советское руководство не исключало взаимодействия с союзниками после войны. Еще во время поездки Молотова в США (май 1942 г.) Сталин поддержал рузвельтовскую идею «четырех полицейских» — создания «объединенной вооруженной силы» Англии, СССР, США и Китая для предотвращения агрессий в будущем¹⁴⁰. Несмотря на то, что Рузвельт в дальнейших переговорах с Молотовым уклонился от развития этой темы, это отнюдь не охладило интереса к ней Сталина. На это указывает его депеша Молотову от 4 июня, в которой он в качестве важного результата вашингтонских переговоров назвал «договоренность с Рузвельтом о создании после войны международной вооруженной силы для предупреждения агрессии»¹⁴¹, хотя никакой реальной договоренности достигнуто не было. Через полтора года Сталин опять вернулся к развитию этой идеи во время личных бесед с Рузвельтом в Тегеране, поставив перед Рузвельтом вопрос о создании «стратегических пунктов» великих держав не только для контроля над Германией, но и над стратегически важными точками Европы, Дальнего Востока и Северной Африки. Президент ответил, что поддерживает эту идею «на все сто процентов», но уклонился от ее конкретизации¹⁴². Возможность для дальнейшей проработки этого вопроса была упущена.

Возвращаясь к проектам советских экспертов о послевоенном мире, можно сказать, что при ретроспективном взгляде очевидны как сильные, так и слабые их стороны. Оставаясь на позициях экономического детерминизма, советские планировщики явно переоценили потенциал «межимпериалистических противоречий» (как между США и Англией, так и между англосаксами с одной стороны, и Германией с Японией — с другой). По логике большевистской теории империализма США и Великобритания не должны были быть заинтересованы в усилении своих потенциальных конкурентов. Так, например, Майский предлагал склонить США и Великобританию к исковой сумме репараций с Германии, давая им «понять, что США и Англия в конечном счёте должны выиграть в связи с исчезновением столь опасного конкурента,

как Германия. Однако это надо делать в осторожной форме, так как в силу свойственного им лицемерия англо-американцы не захотят признать правильность данного вывода открыто»¹⁴³. Англо-американские же стратеги видели в Германии не только конкурента.

Как следствие, советские эксперты недооценили солидарность Запада, особенно перед лицом угрозы расширения советского влияния. Сосредоточенность на американской финансово-экономической экспансии заслонила для них другую — военно-стратегическую экспансию США, связанную с новым глобальным пониманием ими своих интересов безопасности и угроз этим интересам. Этот же экономический детерминизм приводил советских экспертов к преувеличению западной заинтересованности в развитии торгово-экономических связей с СССР. Не оправдались и расчёты на сохранение советской сферы влияния открытой и ограниченной поскольку кремлёвское руководство в условиях растущих противоречий с Западом встало на путь советизации Восточной Европы. Планы «полюбовного раз-

дела» европейского континента на сферы интересов оказались нежизнеспособными ещё и потому, что подобное согласованное размежевание потребовало бы определённого уровня взаимного доверия и совместимости подходов обеих сторон, до чего в действительности было очень далеко.

Тем не менее, между проектами советских планировщиков и их западных коллег существовала определённая переключка в вопросе о сферах интересов¹⁴⁴. Однако советских планировщиков отличал широкий полет мысли, повышенный оптимизм в отношении продолжения сотрудничества с Западом и весьма позитивный для большевизма взгляд на роль США и Великобритании в послевоенном мире. Построения их англо-американских коллег были гораздо более приземленными и негативными по своим оценкам советского союзника, хотя порой и более реалистичными в прогнозах расхождений интересов великих держав. В Вашингтоне и Лондоне готовились к худшему, а в Москве — к лучшему, и это не сулило большого взаимопонимания в будущем.

Документы

Президентский комитет Советского протокола
Вашингтон, 10 августа 1943 г.

МЕМОРАНДУМ ДЛЯ М-РА ГОПКИНСА¹⁴⁵

ПРЕДМЕТ: РОССИЯ

1. Ниже следует военно-стратегическая оценка России, исходящая от очень высокопоставленного представителя США¹⁴⁶:

«Положение России» (2 августа 1943 г.). «Положение России во Второй мировой войне разительно отличается от ситуации Первой мировой войны. Тогда она потерпела крах еще до окончания войны и не оказала никакого влияния на окончательное поражение Германии, достигнутое союзниками без ее помощи. Во Второй мировой войне Россия занимает доминирующее положение и является решающим фактором, ведущим к поражению стран «оси» в Европе. Тогда как в Сицилии силам Соединенных Штатов и Великобритании противостоят 2 германские дивизии, русский фронт притягивает к себе около 200 германских дивизий. Когда бы союзники не открыли на континенте второй фронт, он будет явно второстепенным по отношению к русскому фронту, который останется главным. Без России в войне страны «оси» не могут быть побеждены в Европе и положение Объединенных Наций останется крайне шатким.

Равным образом, и после войны Россия будет занимать в Европе доминирующее положение. После разгрома Германии в Европе не останется сил, способных противостоять ее огромной военной мощи. Великобритания, правда, наращивает свои позиции в Средиземноморье в пику России, которые она может использовать для поддержания баланса сил на континенте. Но даже там она не сможет противостоять России без посторонней поддержки».

Вытекающие отсюда выводы очевидны. Поскольку Россия является решающим фактором в войне, нам следует предоставить ей всю возможную помощь и не жалеть усилий для завоевания ее дружбы. Равным образом, поскольку Россия, несомненно, будет преобладать в Европе после разгрома стран «оси», тем более важно развивать и поддерживать с нею самые дружественные отношения.

«Наконец, важнейший фактор, который Соединенным Штатам необходимо учитывать в отношениях с Россией, это ведение войны на Тихом океане. Если Россия будет нашим союзником в войне

с Японией, эта война может быть закончена скорее и с меньшими затратами материальных и людских ресурсов, чем в случае, если этого не произойдет. Если война на Тихом океане будет вестись при негативном или недружественном отношении России, наши трудности неизмеримо возрастут, а военные действия могут оказаться безуспешными».

2. Вывод состоит в том, что Россия настолько необходима в условиях как войны, так и мира, что нам нужно оказать ей всю возможную помощь и не жалеть сил для поддержания и развития самых дружественных отношений с ней.
3. Как известно, мы посылаем в Россию максимум того, что можно доставить через Тихий океан и Персидский залив. Атлантические конвои на север России позволят нам осуществлять дополнительные поставки. Помощь в виде военных действий зависит не только от нас.
4. Что касается поддержания дружественных отношений, то этот вывод полностью соответствует позиции Президента, который в недавней речи сказал о России следующее:
«...Эта страна будет рада стать хорошим соседом и искренним другом в мире будущего»
5. Вопрос состоит в том, как нам добиться таких отношений и сохранять их в будущем? Это зависит от многих, каждодневно принимаемых мер, которые будут доказывать России, что мы действительно стремимся стать ее настоящим и искренним другом не только в войне, но и на многие годы после нее.
Эта задача вполне посильна, поскольку русский народ в большинстве своем уважает Америку, восхищается ею и относится к нам с инстинктивным дружелюбием. Поэтому, надо полагать, что на нашу щедрость он ответит взаимностью. При этом, естественно, мы не должны делать или обещать нечто, несоответствующее нашим интересам, принципам и политике.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

- А) У нас есть немало должностных лиц, которые находятся в контакте с советскими представителями, но не доверяют России и не следуют политике «добраго соседа и друга» в ее отношении. Они не способствуют установлению взаимного доверия и дружественных отношений. Их следует либо заменить, либо обязать лояльно поддерживать такую политику.
- Б) Недавняя публичная критика в адрес России нашим послом в Москве¹⁴⁷ за то, что она, якобы бы, замалчивает оказываемую ей помощь по ленд-лизу, получила международную огласку и создает неприглядный образ России как неблагодарной страны. Этот инцидент оставил след, поскольку задел русскую гордость. Для исправления этой дипломатической ошибки практически ничего не было сделано, хотя, надо признать, что ее последствия не были целиком негативными. Посол упомянул, что обратился к президенту с просьбой не оставлять его на еще одну зиму в Москве. Его следовало бы заменить высокопоставленным гражданским послом, который следует политике добрососедства и дружбы в отношении России.
- В) Судя по всему, в России склонны считать, что Америка и Англия настолько близки, что нам трудно поставить отношения с Англией и Россией на равную основу. Поэтому нам важно сохранять сравнительную независимость в обращении с обеими этими странами как добрыми соседями и искренними друзьями, справедливо учитывая их положение, стремления и цели.
- Г) Наши официальные лица в своих речах нередко заявляют, что мы ведем войну ради уничтожения диктатур. Россия — это диктатура, причем самая законченная из всех, которые когда-либо видел мир. Но русские очень гордятся достижениями своей диктатуры, без которой, по правде говоря, Германия, скорее всего, выиграла бы войну.
- Д) Адмирал Кинг¹⁴⁸ недавно сделал очень простое, но действенное заявление относительно России. Он сказал, что в силу своего географического положения Россия несет на себе основное бремя войны с Германией и нам следует оказать ей всю возможную помощь поставками, а также предпринять такие военные действия, которые отвлекут как можно больше немецких сил с ее фронта. Такие заявления, безусловно, способствуют дружеским чувствам русских в отношении американских ВМС. Предлагается, чтобы генерал Маршалл¹⁴⁹ послал начальнику Генерального штаба Красной Армии поздравление с их недавними победами и присоединился бы к заявлению адмирала Кинга. Это помогло бы укреплению дружеских чувств в России также и в отношении американских сухопутных сил.
- Е) Один из болезненных вопросов в отношениях с Россией — северо-атлантические конвои. Необходимо предпринять героические усилия для их отправки. Понятно, что это в основном зависит от англичан, но, как следует из заявления адмирала Кинга, он готов отстаивать такую позицию и помочь в решении этой проблемы.
- Ж) Огромную пользу может принести откровенное и детальное обсуждение высшим руководством США и России проблем войны и послевоенного мира. Несмотря на неудачу нескольких попыток организовать такую встречу, целесообразно продолжать усилия в этом направлении.

Генерал-майор Бёрнс¹⁵⁰

Телеграмма И. М. Майского о беседе с У. Черчиллем 31 марта 1943 г.

АВП РФ. Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 255–262.

Документ предоставлен Историко-документальным департаментом МИД РФ

255-769
68

РАССЕЛЕНА
10.04.2007

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т. <u>Микояну</u>	Экз. № 11-т. <u>10-й Отдел</u>
№ 2-т. <u>Сталину</u>	№ 7-т. <u>Берия</u>	№ 12-т.
№ 3-т. <u>Сталину</u>	№ 8-т. <u>Маленкову</u>	№ 13-т. (M)
№ 4-т. <u>Молотову</u>	№ 9-т. <u>Винницкому</u>	№ 14-т.
№ 5-т. <u>Кагановичу</u>	№ 10-т. <u>Деканозову</u>	№ 15-т.

Из ЛОНДОНА — 19 43 г. экз. № 1

Вне очереди.

Я был сегодня у Черчилля и вручил ему послание товарища Сталина от 29 марта. Черчилль был мрачен и насушен, и руки у него слегка дрожали, когда он брал от меня конверт. Повидимому, он думал, что послание является ответом на его вчерашнее сообщение о конвоях. Взглянув на текст послания, Черчилль сразу просветлел. Точно гора с плеч свалилась. Дойдя до той фразы, где товарищ Сталин советует гнать врага без отдыха, Черчилль вскочил с места и воскликнул: "Конечно, мы не дадим ему опомниться". И затем, подойдя к висевшей на стене кабинета карте, он стал подробно объяснять мне свой стратегический план. Суть его сводится к тому, что англичане надеются в течение примерно ближайших двух недель окружить немцев и итальянцев в радиусе около 50 миль от Бизерты, заспать их бомбами, испортить все порты отступления /в которых к стати враг уже начал строить мостки, необходимые для эвакуации/ и отрезать с моря надводным флотом. "Мы должны захватить и уничтожить всю армию ос в Тунисе! - восклицал Черчилль - Это должен быть наш Сталинград!" Насколько англичанам удастся план, нарисованный Черчиллем, не знаю?/. По опыту прошлого я склонен относиться к расчетам премьерера с осторожностью. Посмотрим. Затем Черчилль вернулся на свое место и стал дочитывать послание. Я внимательно следил за выражением его лица,

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

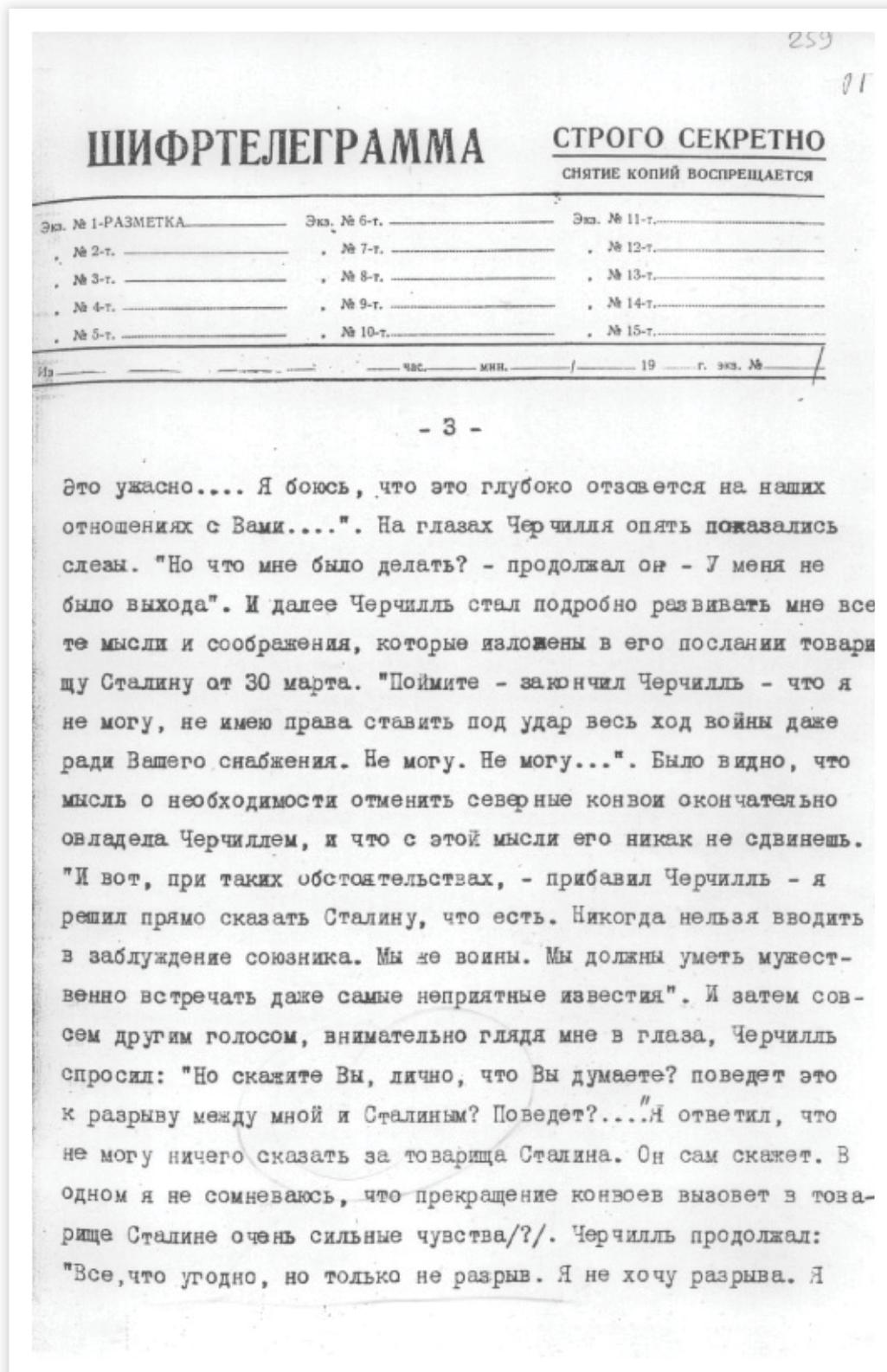
Экз. № 1-РАЗМЕТКА _____	Экз. № 6-т. _____	Экз. № 11-т. _____
№ 2-т. _____	№ 7-т. _____	№ 12-т. _____
№ 3-т. _____	№ 8-т. _____	№ 13-т. _____
№ 4-т. _____	№ 9-т. _____	№ 14-т. _____
№ 5-т. _____	№ 10-т. _____	№ 15-т. _____
_____ № _____ посл. _____ час. _____ мин. / _____ 19 _____ г. экз. № _____		

- 2 -

вот он дошел до фразы о "подлецах всяких", которые утверждают, будто бы "Англия никак не воет", и какая-то судорога прошла по лицу Черчилля. В сильном волнении он на мгновение закрыл глаза и, когда их вновь открыл, они были полны слез. Это не была игра. Натура у Черчилля художественно-эмоциональная. Я это наблюдал неоднократно и раньше, еще в довоенные годы. Он легко поддается внезапным порывам чувств, и в такие моменты легко может потерять себя и дать обещания которых потом в обстановке более трезвых, нормальных настроений не исполнить. Но это между прочим. Сейчас было видно, что Черчилль действительно сильно тронут и до глубины души переживает послание товарища Сталина. Затем он повернулся ко мне и сказал: "Вы еще никогда не приносили мне такого замечательного послания. Горячее спасибо Сталину!"

31/III-1943 г. МАЙСКИЙ.

I/ СПРАВКА: При этом было передано ответное послание тов. Сталина на послание Черчилля от 28/III.

260
85

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА	Экз. № 6-т.	Экз. № 11-т.
№ 2-т.	№ 7-т.	№ 12-т.
№ 3-т.	№ 8-т.	№ 13-т.
№ 4-т.	№ 9-т.	№ 14-т.
№ 5-т.	№ 10-т.	№ 15-т.

_____ г. экз. № _____

- 4 -

хочу работать с Вами. Я уверен, что я могу работать со Стали-
ным. Я не сомневаюсь, что, если мне суждено будет еще пожить,
я смогу оказаться Вам очень полезным в деле налаживания дру-
жественных отношений с США. Мы - три великие державы - должны
во что бы то ни стало обеспечить дружественное сотрудничество
после войны.... Какая жалость, что я должен был послать свою
вчерашнюю телеграмму как раз тогда, когда Сталин отправил мне
вот это послание". Черчилль кивнул на лежавшее на столе послани-
е товарища Сталина, которое он получил от меня за полчаса
перед тем. "Да, мы, три великие державы, - вновь заговорил
Черчилль - должны быть вместе. Это основа всего. Американцы
обиделись, что в своей последней радио-речи я не упомянул
Китай в качестве четвертого партнера. Как я мог это сделать?
Конечно, я люблю и глубоко уважаю Китай. Китайцы - замечатель-
ный народ. Но разве можно сравнивать Китай с СССР, с США, с
Британской империей? Это же ни в какие ворота не лезет...
Это почти оскорбление. Представьте себе на момент, что Чен-Ке
Ши умер или исчез, - что станет с Китаем? Китай превратится
в хаос. Нет, я слишком стар для того, чтобы ради дешевых апло-
дисментов райка говорить неправду".

4/ Когда порыв Черчилля несколько стих, я вновь заговори

267
193

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз. № 1-РАЗМЕТКА _____	Экз. № 6-т. _____	Экз. № 11-т. _____
№ 2-т. _____	№ 7-т. _____	№ 12-т. _____
№ 3-т. _____	№ 8-т. _____	№ 13-т. _____
№ 4-т. _____	№ 9-т. _____	№ 14-т. _____
№ 5-т. _____	№ 10-т. _____	№ 15-т. _____
Изд. _____ час. _____ мин. / 19 ____ г. экз. № _____		

- 5 -

Черчилль категорически заявляет о полной невозможности северных конвоев, я считаю, что надо изыскать те или иные пути для компенсации нас за проистекший отсюда ущерб. Мои конкретные предложения сводятся к следующему:

а/ Мартовский конвой не ликвидировать и не разгружать, а отправить вокруг Африки в Персидский залив /сам же Черчилль заверяет, что пропускная способность Ирана быстро возрастет/и

б/ С приездом Идена /его ждут в Лондоне в начале будущей недели/ создать под его председательством небольшую, но авторитетную Комиссию, которая в срочном порядке разработала бы программу практических мероприятий по компенсации нас за потерю северных конвоев. Черчилль встретил мои предложения с горячим сочувствием. Он внес в них однако две поправки.

Первая: Мартовский конвой сохранить, но не отправлять его сразу же вокруг Африки /около 2 1/2 месяцев пути до Басры/, а выждать 2-3 недели. Если за это время, как рассчитывает Черчилль, Тунис будет очищен от осей, конвой пойдет через Средиземное море, что сильно сократит время и расходы. Вторая:

Приезда Идена не ожидать, а создать комиссию теперь же под председательством Литльтона. Черчилль предложил также мне присутствовать на комиссии в сопровождении тех наших экспертов, которых я сочту нужным взять с собой. Я не возражал, но еще

262

60

ШИФРТЕЛЕГРАММА

СТРОГО СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

№ 1-РАЗМЕТКА _____	Экз. № 6-т. _____	Экз. № 11-т. _____
№ 2-т. _____	№ 7-т. _____	№ 12-т. _____
№ 3-т. _____	№ 8-т. _____	№ 13-т. _____
№ 4-т. _____	№ 9-т. _____	№ 14-т. _____
№ 5-т. _____	№ 10-т. _____	№ 15-т. _____
_____ час. _____ мин. / _____ 19 ____ г. экз. № _____		

- 6 -

раз напомнил Черчиллю, что никаких инструкций из Москвы по данному вопросу еще не имею, и что Советское правительство может принять совсем иные решения. Лично я, однако, не вижу ничего лучшего. Возможно, что с транспортной точки зрения нам выгоднее получать грузы в Архангельске и Мурманске, а не на Каспии, но из сегодняшнего разговора с Черчиллем я вынес вполне определенное впечатление, что на продолжении северных конвоев он сейчас ни за что не пойдет. К тому же решение Черчилля /пропуск 3 групп. Запрошено/ Рузвельтом. После первого заседания комиссии я сообщу Вам, какие перспективы намечаются. Тогда Вы сможете принять те или иные решения. Если у Вас есть какие-либо указания к заседанию комиссии /которое будет, вероятно, 3 апреля/, срочите.

31/III-1943 г. МАЙСКИИ.

- 1 Майский — НКВД, 9–10 июня 1943 г. // Архив внешней политики МИД РФ (далее — АВП РФ). Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 288–290.
- 2 Политика США. 2 июня 1943 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 28. Д. 327. Л. 16, 21.
- 3 Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (далее — Переписка). М., 1957. Т. 2. С. 69–70.
- 4 Warner to Kerr, 8th July, 1943 // The National Archives (Kew, Richmond) (далее — TNA), Foreign Office (далее — FO) 800/301.
- 5 From Moscow to Foreign Office, 14th June, 1943 // TNA, Prime Minister's Office (далее — PREM) 3/333/5.
- 6 From Foreign Office to Moscow, 16th June, 1943 //Ibid.
- 7 Переписка. Т. 1. С. 138.
- 8 The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. Ed. by D.Dilks.London, 1971. P. 538.
- 9 Майский — НКВД, 3 июля 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 295–298.
- 10 From Moscow to Foreign Office, July 1, 1943 // TNA, PREM 3/333/5.
- 11 Молотов — Майскому, 25 июня 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 22. Д. 177. Л. 29.
- 12 Майский — НКВД, 29 июня 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 7. Д. 59. Л. 132–130.
- 13 Громыко — Молотову, 22 августа 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 3. Д. 25. Л. 265.
- 14 Переписка. Т. 2. С. 63.
- 15 Kahn M. From Assured Defeat to the “Riddle of Soviet Military Success”: Anglo-American Government Assessments of Soviet War Potential 1941–1943. // The Journal of Slavic Military Studies, vol.26, N 3 (2013), p.480.
- 16 25 June 1943, R&A Report N 917 // National Archives (College Park, Maryland, далее — NA), Record Group (далее — RG), 224, Reel 2.
- 17 Переписка. Т. 1. С. 133–134.
- 18 История Великой войны 1941–1945. В 2 ч. Часть 1.М., 2010. С. 430.
- 19 Там же, С. 428. См. также: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3.Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012. С. 574.
- 20 Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1999. С. 431.
- 21 Churchill W.The Second World War.Vol. 5.Closing the Ring.London, 1951. P. 259.
- 22 Possible Transfer of German [divisions from Russia, November 20, 1943 // NA, RG 165, Military Intelligence Division. Regional Files, 1922–1944. Union of Soviet Socialist Republics. Box 3140.
- 23 The Riddle of Soviet Military Success, August 10, 1943 // TNA, FO 371/36960.
- 24 Memorandum for Mr. H.Hopkins, August 10,1943 // Franklin D. Roosevelt Library (далее — FDRL), H.Hopkins Papers, Box 217.
- 25 Memorandum for the President, 31 July, 1943 // FDRL, Map Room Files (далее — MR), Box 8.
- 26 Winant to the President and Secretary of State, July 26, 1943 // Foreign Relations of the United States (далее — FRUS), 1943, Europe, Vol. II. Washington, 1964. P. 335.
- 27 Соболев — НКВД, 27 июля 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 302.
- 28 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1–2, М., 1983. Т. 1. С. 410.
- 29 Там же, С. 412–413.
- 30 Переписка. Т. 1, С. 149.
- 31 Майский — Молотову, 31 августа 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 8. Д. 64. Л. 189–182.
- 32 FDRL, MR, Box 8.
- 33 Переписка, Т. 1. С. 157.
- 34 Review of Soviet Foreign Relations during 1943. February 8, 1944 // NA, RG 84, 800 Soviet Union, Box 46.
- 35 Обмен этими письмами см. в: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-хтт. М.: Политиздат, 1984. Т. 1. С. 368–369, 371–372.
- 36 W. M. (43) 142nd Conclusions, Minute 3, Confidential Annex, 18 October 1943 // TNA, CAB 65/40/5.
- 37 Kimball W. Forged in War. Roosevelt, Churchill, and the Second World War.Chicago, 1997. P. 223.
- 38 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. С. 368–369, 371–372.
- 39 Переписка. Т. 2. С. 285–286.
- 40 Prime Minister to Foreign Secretary, 18th October, 1943 // Churchill Archive Centre, ChurchillCollege, CambridgeUniversity, Chartwell Papers (далее — CHAR) 20/ 148.
- 41 Prime Minister for Deputy Prime Minister and Foreign Secretary, 21st May, 1943 // CHAR 20/128.
- 42 Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны. Т. 4. Кн. 1. М., 2008. С. 418.
- 43 Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945, Т. 1. С. 398.

- ⁴⁴ Там же; СССР и Франция в годы Второй мировой войны. Под ред. М. М. Наринского. М.: 2006. С. 222.
- ⁴⁵ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 Т. 1. С. 394–395.
- ⁴⁶ SecState to American Embassy, Moscow, June 30, 1943 // NA, RG 84, U.S. Embassy Moscow, Classified General Records, 1940–1944, Box 18, 711.French Committee of National Liberation.
- ⁴⁷ Молотов — Богомолу, 25 июня 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 23. Д. 183. Л. 99–96.
- ⁴⁸ Переписка. Т. 1. С. 138–139.
- ⁴⁹ Майский — НКВД, 1 июля 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 7. Д. 59. Л. 172–171.
- ⁵⁰ SecState to American Embassy, Moscow, July 7, 1943 // NA, RG 84, U.S. Embassy Moscow, Classified General Records, 1940–1944, Box 18, 711.Italy.
- ⁵¹ СССР и Франция в годы Второй мировой войны. С. 151–152.
- ⁵² Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. С. 246–248, 252.
- ⁵³ Голль Ш. де. Военные мемуары. Единство. 1942–1946. М., 1960. С. 161.
- ⁵⁴ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 Т. 1. С. 323.
- ⁵⁵ Молотов — Богомолу, 4 ноября 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 23. Д. 179. Л. 140–138.
- ⁵⁶ Майский — Молотову, 14 апреля 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 8. Д. 4. Л. 105–110.
- ⁵⁷ См.: Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. Советско-американские отношения в 1940-х гг. Документальные очерки». М., 2006. С. 222–223.
- ⁵⁸ Молотов — Богомолу, 11 марта 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 22. Д. 174. Л. 102–101.
- ⁵⁹ Богомолу — Молотову, 29 июня 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 22. Д. 177. Л. 40.
- ⁶⁰ Молотов — Богомолу, 2 июля 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 23. Д. 183. Л. 113.
- ⁶¹ Орлов — НКВД, 20 октября 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 6. Д. 53, Л. 235–233.
- ⁶² Марьина В. Э. Бенеш: между Лондоном и Москвой // Россия XXI, № 4, 2008. С. 135–136.
- ⁶³ Богомолу — НКВД, 7 июля 1943 г. // Там же, Д. 52. Л. 260–257.
- ⁶⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941 Т. 1. С. 408–409, 422–423.
- ⁶⁵ Орлов — Молотову, 19 октября 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 6. Д. 53. Л. 230.
- ⁶⁶ Молотов — Богомолу, 13 июля 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 23. Д. 183. Л. 126.
- ⁶⁷ История Второй мировой войны 1939–1945 (в 12 т.). Гл. ред. А. А. Гречко. Т. 10, М., 1979. С. 212.
- ⁶⁸ Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг. М., 1998. С. 222, 233.
- ⁶⁹ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II. После 22 июня 1941 г. М., 1997. С. 36.
- ⁷⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, Т. 1. М., 1946. С. 329.
- ⁷¹ From Moscow to Foreign Office, 30th July, 1943 // TNA, PREM 3/172/1.
- ⁷² Minute from the Foreign Secretary to the Prime Minister, 31.7.43 // Ibid.
- ⁷³ Prime Minister for Foreign Secretary, 1.8.43. // CHAR 20/129.
- ⁷⁴ См.: Переписка. Т. 1. С. 393.
- ⁷⁵ Иванов Р. Ф. Сталин и союзники. 1941–1945 годы. М., 2005. С. 250.
- ⁷⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 366. Л. 16–19.
- ⁷⁷ Переписка. Т. 1. С. 142.
- ⁷⁸ For Prime Minister from Foreign Secretary, 10 August 1943 // TNA, PREM 3/172/1.
- ⁷⁹ W. M. (43) 114th Conclusions, Minute 2. Confidential Annex, 11th August, 1943 // TNA, Cabinet Office (далее — CAB) 65/39/10.
- ⁸⁰ From London to the Secretary of State, August 11, 1943 // TNA, PREM 3/172/1.
- ⁸¹ W. M. (43) 114th Conclusions, Minute 2. Confidential Annex, 11th August, 1943 // TNA, CAB 65/39/10.
- ⁸² Memorandum for the President and Prime Minister, 24 August, 1943 // FDRL, MR, Box 8.
- ⁸³ August 10, 1943 // Library of Congress, Manuscript Division, H. Stimson Diaries.
- ⁸⁴ Mackinder H. The Round World and the Winning of Peace / Foreign Affairs, July 1943, P. 595–605.
- ⁸⁵ JCS 506, September 18, 1943 // NA, RG 218, Geographic File, 1042–1945, CCS 337 (9–12–43), Sec. 1.
- ⁸⁶ Memorandum for Mr. H. Hopkins, August 10, 1943 // FDRL, H. Hopkins Papers, Box 217.
- ⁸⁷ W. Bullitt to F. Roosevelt, May 12, 1943. — FDRL, PSF, Department of the Navy; В. Л. Мальков. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988, с. 264.
- ⁸⁸ СССР и германский вопрос: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации / Сост. Г. П. Кынин, Й. Лауфер. Т. 1. М., 1996. С. 27.
- ⁸⁹ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М., 1971. С. 679.
- ⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1384. Л. 131.

- 91 Foo Y.W. Chiang Kaishek's Last Ambassador to Moscow: the Wartime Diaries of Fu Bingchang. Basingstoke, 2011. P. 94.
- 92 From Moscow to Foreign Office, 14th October, 1943 // TNA, FO 371/36960.
- 93 Davies to Roosevelt, May 29, 1943 // NARA, RG 84, US Embassy Moscow, Box 22, 800.2.
- 94 Review of Soviet Foreign Relations during 1943. February 8, 1944 // NA, RG 84, 800 Soviet Union, Box 46.
- 95 Подробнее об этом пересмотре см.: Mark E. October or Thermidor? Interpretations of Stalinism and the Perception of Soviet Foreign Policy in the United States, 1927–1947 // The American Historical Review, vol.94, N 4 (October 1989), pp.945–951.
- 96 Survey of Domestic Political Developments in 1943 // NA, RG 226, R&A Reports, M 1250.
- 97 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1384. Л. 130.
- 98 FRUS, 1943, Europe, Vol. III. Washington, 1963. P. 584.
- 99 W.P. (42) 524, November 12, 1942 // TNA, CAB 66/31/4.
- 100 Folly M. "A Long, Slow and Painful Road": The Anglo-American Alliance and the Issue of Co-operation with the USSR from Teheran to D-Day // Diplomacy & Statecraft. 2012. Vol. 23. No. 3. P. 477.
- 101 Adler L.K., Paterson T.G. Red Fascism: The Merger of Nazi Germany and Soviet Russia in the American Image of Totalitarianism, 1930's — 1950's // The American History Review. 1970. Vol. 75. No. 4. P. 1050–1051.
- 102 Bennett T. Culture, Power, and *Mission to Moscow*: Film and Soviet-American Relations during the World War II // The Journal of American History. 2001, N. 2. P. 506, 509.
- 103 "Russia Booklet" // NA, RG 334, Box 26.
- 104 W.P. (42) 71, February 7, 1942 // TNA, CAB/66/22/1.
- 105 Reynolds D. From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s. Oxford, 2006. P. 119.
- 106 См. подробнее: Поздеева Л. В. Лондон — Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945. М., 2000.
- 107 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1006. Л. 189–190.
- 108 To Embassy Moscow, October 12, 1943 // NA, RG 59, Decimal Files, 105.918/1793B; FRUS. 1943. Vol. III. P. 863.
- 109 FRUS. 1943. Vol. III. P. 861 n.
- 110 См.: Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. С. 212–213.
- 111 Молотов — Громыко, 12 октября 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 19. Д. 150. Л. 64.
- 112 Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. 1917–2000. М., 2002. С. 303.
- 113 Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны, Т. 1. С. 101–103.
- 114 Калинин Н. О «целях войны» // Война и рабочий класс. 1943. № 3.
- 115 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 108–109.
- 116 Майский — Молотову, 11 января 1944 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 147. Л. 21–22.
- 117 Об отношении к Италии // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 8. Д. 4. Л. 110–111.
- 118 Протокол № 4 частного совещания Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства. 14 марта 1944 года // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 142. Л. 118.
- 119 Филлитов А. М. В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 54–71.
- 120 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 147. Л. 37, 8, 3.
- 121 К вопросу о советско-американских отношениях. 14 июля 1944. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 45. Д. 603. Л. 22, 23.
- 122 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 147. Л. 23–24.
- 123 О взаимоотношениях с США 10 января 1945. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 173. Л.
- 124 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 142. Л. 116–117.
- 125 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 147. Л. 13.
- 126 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 147. Л. 27.
- 127 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 31. Л. 7.
- 128 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 07. П. 17. Д. 175. Л. 162–163.
- 129 Советско-норвежские отношения 1917–1955. М., 1997. С. 360, 383–386.
- 130 Ф. Ф. Мартенс. Записка о проливах Босфорском и Дарданельском // Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация. Сост. И. С. Рыбаченок. М., 2004. С. 94–96.
- 131 TheNewYorkTimes, May 28, 1945.
- 132 Russia's Strategic Interests from the Point of View of Her Security. Joint Intelligence Committee (44) 442, 18 October, 1944 // TNA, CAB 81/125.
- 133 Russia's Strategic Interests and Intentions from the Point of View of Her Security. Joint Intelligence Committee (44) 442, 18 December, 1944 // TNA, CAB 81/126.
- 134 Печатнов В. Большая стратегия СССР после войны глазами британской разведки // Россия XXI, 2010. №5.
- 135 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 07. П. 17. Д. 173. Л. 50.

- ¹³⁶ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 307. Л. 11.
- ¹³⁷ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 8. Д. 4. Л. 51.
- ¹³⁸ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 Т. 1. С. 380–384.
- ¹³⁹ Предложения по вопросу о займе Союзу ССР от США. 22 октября 1943 г.; Предложения по вопросу о займе Союзу ССР от Великобритании. 23 октября 1943 г. // Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Оп. 12. Д. 6866. Л. 42; Д. 8058. Л. 58.
- ¹⁴⁰ Ржешевский О. А. Война и дипломатия. Документы, комментарии. 1941–1942. М., 1997. С. 204.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 2. Тегеранская конференция. М., 1978. С. 117–118.
- ¹⁴³ Формула по репарациям с Германии. 17 января 1945 // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 173. Л. 69.
- ¹⁴⁴ Подробнее см.: Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн, С. 207–238; Mark E. American Policy toward Eastern Europe and the Origins of the Cold War, 1941–1946: An Alternative Interpretation // Journal of American History, vol. 68, N 2 (September 1981).
- ¹⁴⁵ Memorandum for Mr. Hopkins, August 10, 1943 // Franklin D. Roosevelt Library (Hyde Park, New York), Harry L. Hopkins Papers, Box 217. Краткие выдержки из этого документа опубликованы в: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Пер. с англ. М., 1958. Т. 2.
- ¹⁴⁶ Глава Комитета стратегического обзора при КНШ США генерал С. Эмбик.
- ¹⁴⁷ Речь идет о пресс-конференции для иностранных журналистов посла США в Москве У. Стэндли, в ходе которой он обвинил советскую сторону в замалчивании масштабов поставок по ленд-лизу, осуществляемых западными союзниками. Это заявление имело большой резонанс в западной прессе и вызвало недовольство советских властей. Однако, как отмечали потом западные дипломаты, после этого инцидента число публикаций о помощи союзников в советской прессе заметно возросло.
- ¹⁴⁸ Адмирал Э. Кинг — главнокомандующий военно-морским флотом США.
- ¹⁴⁹ Генерал Дж. Маршалл — начальник штаба сухопутных сил США.
- ¹⁵⁰ Генерал Дж. Бёрнс — исполнительный директор Президентского комитета Советского протокола, курировавшего поставки в СССР по ленд-лизу. Главой комитета был Г. Гопкинс.